

**Кстати, праздники
излечивают. Почти
от всего. И яркие
цвета — тоже.**

(С. 14)

**В сто лет
вмещается
всё: рождение,
расцвет и гибель.**

(С. 20)

ДАГЕСТАН

**№12 (147)
ДЕКАБРЬ 2017
journaldag.ru**

Колонка неглавного редактора

Моя бабушка — Дед Мороз

Всё, как всегда перед Новым годом — искры Бенгалии, мандарины Марокко, запах хвои... Хочется праздника, алчется чуда. Даже тем, кто уже нисколько не верит в странного деда в красном халате, но по привычке бормочет: «Здравствуй, дедушка Мороз — борода из ваты...».

Ещё бы не странный! В московском имении дедка, куда меня пригласил племянник Асельдер, какое-то время подвизавшийся у него в учениках, на кровати ДМ высятся горкой семь подушек — мал мала меньше. По одной на каждый день недели. Даже у моей деревенской бабушки было всего три. Ну и мешка-чувала, откуда подарки за хорошее поведение, у бабушки не было. Но, во-первых, ей было пофиг на моё поведение, а, во-вторых, у неё был волшебный носовой платок узелком. Поэтому бабушке совсем не требовалось лазить в чувал-дымоход, как всем этим Санта Клаусам, Йоулупукки и прочим Пер Ноэлям — она обходилась загатником.

...Её коричневые от въевшегося намертво деревенского загара и твёрдые, как дерево, пальцы медленно, но уверенно распутывают двойной узел. И — вуаля! — пойманной рыбкой в них сверкает монета. Почти всякий раз она была другой — и достоинством, и временем чеканки: тогда в ходу были экземпляры чуть ли не с момента образования СССР.

«На конхветы», — роняет бабушка, всегда чему-то сдержанно улыбаясь. Может быть, тому,

что опять смогла сотворить маленькое чудо для «унучека» из своей маленькой сельской пенсии. А оно случалось во всякое время года, чаще всего летом, но для меня было именно новогодним. Специально для меня разменившая радость. Я их не тратил — как можно? подарок! — а конфетами меня исправно снабжала тётя.

И вот снова всплыло — это уже почти позабытое чувство ожидаемой и всё равно неожиданно яркой радости. Вернулась из дальних странствий Анохина Света и устало («генацвале, ноги наши так устали») вывалила из своей переметной сумы запылённые свитки-рукописи, добытые в ходе набега на Грузию. То есть от законов наших горских обычаев не отступила, что характерно. Сокровища коротко жившей (кто бы тогда подумал!) империи, она же союз нерушимый, она же — дружная семья народов. Потому что — ну кому ещё что-то известно о русскоязычных поэтах и писателях страны Сакартвело, она же Врастан, она же Гюрджистан? А Светлана с ними, и поныне живущими и пишущими, вино пила и беседы вела. Такой вот её, а теперь, получается, и наш подарок, читатель.

С Новым годом, дорогой читатель! Дари и ты радость близким и дальним, и пусть им будет хорошо.

Дмитрий Горбанев

Содержание

Тамерлан Магомедов
4 Узник замков Ниццы

Андрей Меламедов
7 И плывет корабль

Светлана Анохина
14 Замри, умри,
воскресни

*Влада Бесараб,
Мария Шерматова*
20 Сто лет одиночества,
или Жизнь без любви

Влада Бесараб
30 Мукар неоромантика

Владимир Севриновский
38 Пельмень любви

Борис Войцеховский
43 Агитпроп

Магомед Бисавалиев
46 Тайная тетрадь

Дамир Саидгазин
50 Улица в небо

Фото в номере: Руслан Алибеков, Мария Шерматова,
Андрей Гончар, Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№12(147) декабрь 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

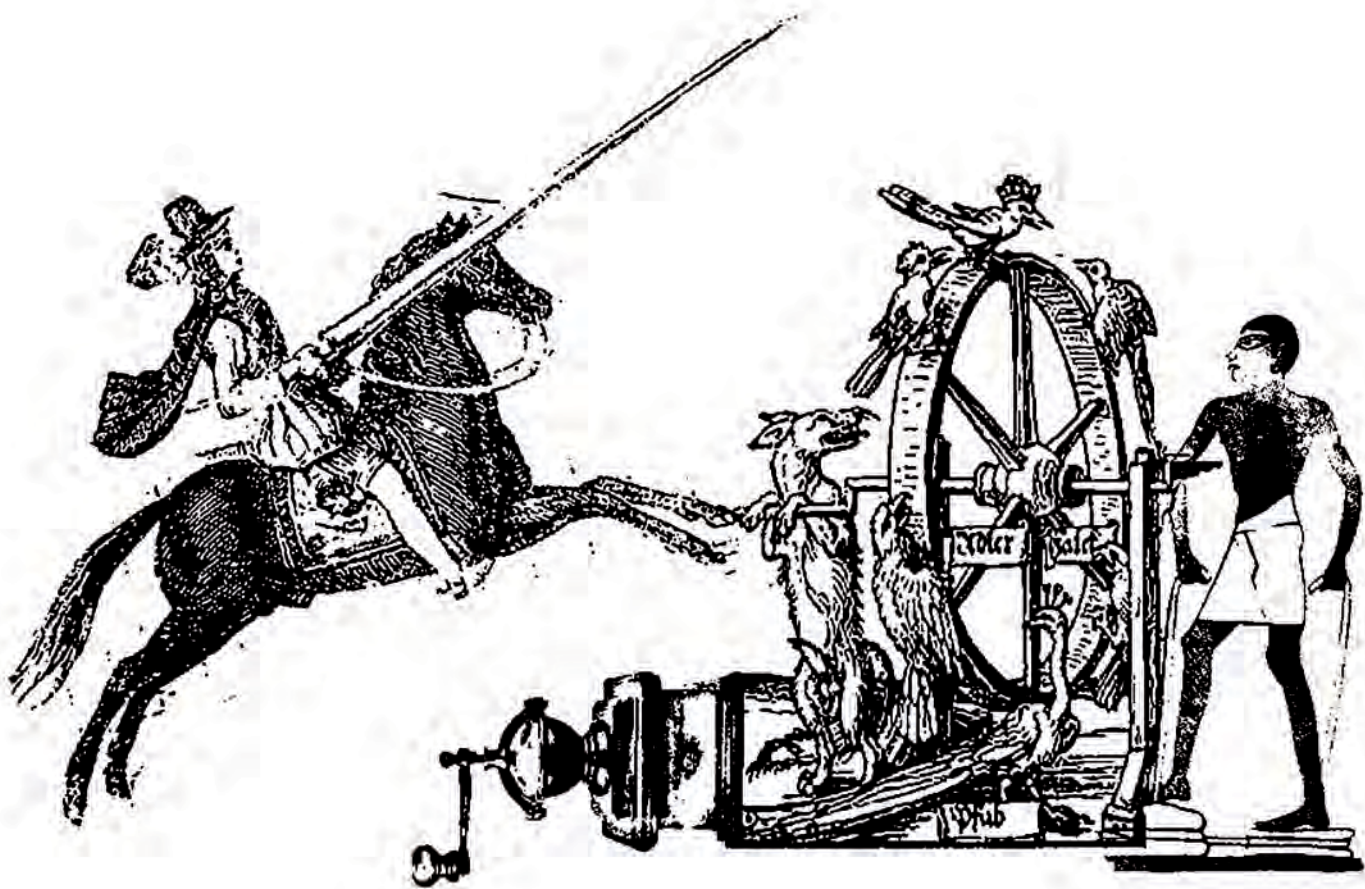
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Гость номера — Молот О.К.

- 52 Искусство памяти *Баадур Чхатарашвили*
- 57 Сапоги тачаю-ю-ю!.. *Вахтанг Буачидзе*
- 61 Лирика: *Ада Джилавдарова, Ирина Данелия, Дмитрий Лоскутов, Сусанна Арменян*

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Тамерлан Магомедов

УЗНИК ЗАМКОВ НИЦЦЫ

Не так давно главным политическим событием для Дагестана стала короткая информация в новостной ленте: «Члена Совета Федерации Сулеймана Керимова задержали в Ницце. Его задержали вечером в понедельник, 20 ноября, в аэропорту и доставили в полицейский участок. Керимов находится под стражей в одном из полицейских участков Ниццы». Вскоре выяснилось, что это не ошибка и даже не фейк. Всесильный Сулейман оказался за решёткой.

Реакция была... разной. Кто-то негодовал и призывал выйти к зданию посольства Франции, кто-то откровенно радовался. Самым правильным, по своей сути, оказался отклик Максима Шевченко, которого, правда, за эмоциональность выступления не замедлили обвинить в тенденциозности. Давайте разберёмся в упреках в адрес Шевченко.

«Под видом уголовного ареста скрывается политическое давление на нашу страну», — подчеркнул он 21 ноября в своей видеореплике в Youtube, назвав Керимова одним из богатейших людей планеты. Политическое давление действительно наличие, однако, говоря о возможных причинах такого давления, Максим Леонардович сам поступил как настоящий политик. Предполагаю, что он просто политкорректно слукавил, сказав о том, что арест Керимова может быть связан с его активной финансовой поддержкой российского олимпийского спорта.

Боюсь, что к теме спорта арест Керимова не имеет ни малейшего отношения, и в принципе мы все это понимаем. Впрочем, нельзя назвать до конца верным и утверждение, что Керимов богатый человек. Парадоксально, но действующая в России экономическая модель сегодня не сильно

отличается от той, что мы наблюдали 70 лет в прошлом веке. Право частной собственности в России так и не прижилось, а факт наличия у вас в управлении нескольких миллиардов долларов вовсе не означает, что эти деньги полноценно ваши.

Но вернусь вновь к Максиму Шевченко. Сквозь пелену маленькой политкорректной лжи он порой невольно выдаёт обществу большие аполитичные правды. В очередной видеореплике на Youtube от 8 декабря Максим Леонардович попытался решительно опровергнуть доводы французской полиции о том, что Керимов ввёз на территорию Франции наличными 750 миллионов евро в чемоданах. Правда, не привёл при этом ни одного достойного аргумента.

Итак, 750 миллионов, миллиарды в офшорах, виллы на Лазурном берегу. Непонятно лишь для чего? Для чего провозить чемоданы с наличными, используя дипломатический статус? Для чего переводить капиталы в офшоры, ведя бизнес в России? Для чего скупать несколько прилегающих друг к другу вилл, если даже одной из них вы пользуетесь от силы месяц в году? Конечно, можно, как Навальный, поспешить с заявлениями о разграблении России, тотальной коррупции и наглости олигархов, но...

Обрадую: не всё так плохо в нашем государстве. Со времени посадки Ходорковского олигархи больше не хозяева в стране, никто не позволяет им бездумно грабить народ, хотя вот коррупция — действительно наша главная «скрепа». Правда, не духовная, а финансовая. Поэтому миллиарды утекающих в офшоры российских нефтедолларов вовсе не растворяются бесследно в карманах неизвестных нуворишей, а служат известной всем нам цели — восстановлению авторитета России на международной политической арене и укреплению её государственной безопасности.

Здесь будет уместно сказать об исторической иронии. Ведь как иначе назвать сложившиеся обстоятельства, когда роль ключевых агентов нашей внешней разведки сегодня выполняют олигархи — эти вроде как влиятельнейшие богачи и властители человеческих судеб, вынужденные в своих дипломатических чемоданах переправлять миллионы на резидентурную деятельность за кордоном. Об этом сегодня, наверное, уже можно говорить открыто, ведь начало наблюдаемым нами событиям было положено не во Франции, а в США, где в августе было закрыто российское торговое представительство.

Нет, об этом, конечно, нигде не писали, однако вскрытая американцами шпионская сеть, организованная российскими торговыми представителями в США, действительно удивляет. Ведь мы уже привыкли, что шпионы, секретные сведения, подкуп чиновников, — это всё коварное ЦРУ с баснословным бюджетом. А наши родные и оттого благородные разведчики лишь грустно глядят на границу в бинокль, потому что бедны как церковная мышь, которую обрали подлые олигархи. Американцы, очевидно, сами привыкли к этой мысли, пока вдруг не обнаружили, что «Единая Россия» готовится стать у них правящей партией.

Невероятно, скажете вы? Перелистайте биографии знаменитых разведчиков. Лично мне хочется аплодировать при мысли о том, как наши олигархи, которые типа как обокрали всю страну, вывезли на Запад капиталы, накупили роскошных вилл и яхт, сорят деньгами и ненавидят «деспота» Путина, —

вот так, устраивая свои головокружительные кутежи, внедрились в западный финансовый и политический истеблишмент. Обзавелись влиятельными друзьями, от которых получали необходимую информацию и через которых влияли на политические события в различных странах. Ведь гениально, правда?

А как вам, к примеру, картина вербовки новых агентов на борту яхты за 200 миллионов евро? Согласитесь, Ferrari Enzo нашего Керимова выглядит гораздо изысканней, чем приевшийся бондовский Aston Martin. Жаль, что в отличие от походов киношного британца, о деятельности Керимова на протяжении стольких лет на Лазурном берегу никому ничего неизвестно. Но даже Максим Шевченко высмеял мысль о том, что Керимов мог провозить во Францию 750 миллионов евро наличными только лишь увеселения ради. О судьбе этих денег, как и саму историю, достойных приключенческого фильма походов месье Сулеймана в Ницце, возможно, мы когда-нибудь узнаем.

Вопрос, увы, в другом. Да, мы можем писать письма французскому президенту или пикетировать французское посольство, то ли требуя освободить Керимова, то ли пытаясь засветиться в рядах его друзей на случай триумфального возвращения. Однако мы ничего не можем сделать с объективной реальностью: Керимов был задержан. И помещён французской полицией в

обычную грязную каталажку, вместе с местными дебоширами и карманными воришками. А вслед за ним за решёткой может оказаться ещё немалое количество российских агентов влияния даже с самыми пухлыми кошельками.

О чём всё это говорит? О том, что мы здесь в России, стоим на пороге новой экономической, политической и социальной трансформации. Ведь если и прочих начнут сажать, как Керимова, а оформленные на них счета в офшорах блокировать, как это уже обещают делать США, то целесообразность существования олигархов как класса может упасть в глазах государства до нуля.

В итоге, наша часть списка «Форбс» в ближайшие годы рискует превратиться в отработавшую весь свой ресурс машину, которую просто отправят в утиль. А это потянет за собой перемены в системе распределения прибавочной стоимости нашей высокоприбыльной сырьевой экономики. Ведь для того чтобы играть в карты, нужны не только деньги, но и игроки. Даже в том случае, если речь идёт о картах геополитических. Какие глобальные преобразования мы увидим в масштабе всей страны и мира, предсказать не берусь. Однако как скажется перекося в судьбе отдельно взятого олигарха на дальнейшем развитии событий в целой республике?

Оценивая роль Сулеймана Керимова в Дагестане, журналисты неизменно вспоминают его гуманитарные проекты, среди которых: массовое лечение тяжелобольных дагестанцев за рубежом; организация ещё более массовых бесплатных поездок в хадж; колоссальные инвестиции в футбол как в масштабный антиэкстремистский пиар-проект. Да, всё это было, и это было хорошо. Однако мало кто в республике говорит о Керимове, как о политике, хотя на протяжении последнего десятка лет именно он и являлся самым влиятельным политиком в Дагестане.

Возможно, это связано с тем, что любые политические процессы априори вызывают у населения негативную реакцию, а также с нежеланием создавать в обществе подоб-

ные ассоциации с личностью Керимова. На деле, как мы все знаем, политика не имеет чёрных или белых сторон и не должна вызывать симпатий или антипатий иначе как по принципу: «победителей не судят, проигравших бьют все». На протяжении последних 11 лет Керимов всегда оказывался победителем, соответственно и отношение к нему, по всем правилам, может быть только позитивным.

По мнению знакомых с ситуацией людей, именно Сулейман Керимов является человеком, добившимся отстранения правившего в Дагестане почти два десятилетия Магомедали Магомедова от должности главы республиканского Госсовета. Именно Сулеймана Керимова эксперты называют человеком, поставившим крест на политической карьере первого президента Дагестана Муху Алиева, — за то, что посмел

пойти против воли олигарха. Именно Керимов, по некоторым данным, стал причиной того, что республику после Алиева вдруг возглавил

Магомедсалам Магомедов, а не, к примеру, Адильгерей Магомедтагиров.

Согласно некоторым версиям, Керимов мог способствовать и досрочной отставке Магомедсалама Магомедова, посчитав того «неэффективным» руководителем для реализации поставленных задач. Некий след Керимова можно при желании прочесть даже в падении бессменного мэра Махачкалы Саида Амирова: ведь именно окружение олигарха добилось назначения Сагида Муртазалиева управляющим дагестанским Пенсионным фондом, выставив его таким образом на одну политическую арену с Амировым.

Конечно, всё это не более чем версии. Однако даже если мои предположения не соответствуют действительности, надо признать, что Керимов последние десятилетия играет весьма ощутимую роль в республике. И я не стал бы давать какой-либо оценки позитивности или негативности его действий для Дагестана. Ведь Керимов пока не проиграл. Пока ничего личного, только политика...

...целесообразность существования олигархов как класса может упасть в глазах государства до нуля

Андрей Меламедов

И ПЛЫВЁТ КОРАБЛЬ...

Пару месяцев назад завод им. Магомеда Гаджиева отметил своё 85-летие. Событие прошло скромно, без помпы, практически в «семейном кругу». Хотя ещё лет тридцать назад подобная ситуация была бы просто непредставима! Заводские достижения отмечались максимально широко, с неизменным участием первых лиц республики, а все СМИ размещали блоки материалов о «флагмане дагестанского машиностроения».

В то время завод представлял собой мини-город, с развитой инфраструктурой: собственные детские сады, учебные заведения, жилой фонд, базы отдыха, профилактории и многое другое. Всё казалось прочным, основательным, рассчитанным на века. А потом случилась перестройка, и флагман сбился с устойчивого курса. «Временные трудности» очень скоро обернулись серьёзными проблемами, проблемы начали приобретать очертания близкого и неминуемого кораблекрушения. В какой-то момент для многих стало очевидным, что завод вот-вот повторит печальную судьбу многих дагестанских предприятий и пойдёт на дно, превратившись в очередной рынок или полигон для зарождающегося малого бизнеса.

Но каким-то чудом предприятие удержалось на последнем, губительном витке водоворота. И вот уже много лет буквально балансирует на самом краю. При этом оно пытается не только сохранить равновесие, но и встать на новый курс. О работе команды в режиме непрекращающейся борьбы за выживание корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с директором завода **Абдулвагабом ПАПАЛАШОВЫМ**.

— Абдувагаб Яхьяевич, развал Союза стал приговором для очень многих промышленных предприятий страны. Но ведь в Дагестане всё происходило намного быстрее и драматичней?

— Естественно. В качестве «ускорителя» сработал фактор чеченской войны. Вскоре после её начала в Москве весь Кавказ начали воспринимать как регион риска. И, соответственно, начали отлучать северокавказские предприятия от гособоронзаказа. Руководители нашей отрасли в Москве мне об этом говорили прямо. И не только говорили. Главная продукция нашего завода, как известно, это поворотные затворы и рулевые машины для различных судов. Так вот, всю техническую документацию на поворотные затворы передали гатчинскому заводу «Буревестник», а на рулевые машины — «Пролетарскому заводу» в Санкт-Петербурге. В Гатчине, к слову, даже шифры не меняли, начали копировать наши собственные разработки. Пролетарцы поступили чуть умнее, заменили литые детали сварными. Кстати, так поступили не только с нами. Линейку продукции дербентского «Электросигнала», который выпускал средства связи для танков, БТР и штабных машин, точно так же передали воронежскому концерну «Созвездие».

— Вы пытались изменить ситуацию?

— Конечно. Доложил обо всём главе республики Магомедову, тот вышел на Путина, были даны соответствующие поручения Клебанову, который тогда работал замести-

телем председателя правительства. Сюда даже комиссии серьёзные направлялись, нам обещали всё исправить. В какой-то момент у нас даже возникло ощущение, что наши проблемы решатся. Но потом всё снова затихло, и мы оказались в исходной точке.

— Может, ваши конкуренты тоже подключили административный ресурс?

— Честно говоря, не знаю. Но предполагаю, что всё определила общая ситуация на судостроительном рынке страны. Смотрите, в Советском Союзе ежегодно спускалось на воду 400–450 кораблей, из них около 150 — военных. В последние годы Россия строит 10–15 малых кораблей в год. И имеется вероятность, что эта отрасль вообще скоро прикажет долго жить: находятся умники, которые считают, что корабли вполне можно заказывать в Южной Корее, к примеру. Правда, в последнее время ситуация потихоньку начала меняться. Недавно про наш завод снова вспомнили, поскольку у питерцев возникли проблемы с поставками необходимого оборудования на строящиеся корабли. Надеемся, что впервые после пятнадцатилетнего перерыва нам удастся существенно увеличить объёмы гособоронзаказа.

— В отсутствие оборонного заказа вы начали осваивать гражданскую продукцию, в частности, погружные насосы для добычи тяжёлой нефти. Участие в этой программе обеспечивает заводу нормальную жизнь, или это очередная попытка выжить любой ценой?

— Сложный вопрос. Чтобы на него ответить, я должен сначала рассказать про наши насосы немного подробнее. Честно скажу, они у нас хорошие, прекрасные конструктивные решения, есть свои ноу-хау, за счёт использования которых мы пока держимся на этом рынке. Одна беда: для того чтобы выпускать продукцию действительно высокого качества, необходимо закупить современное оборудование. А с этим у нас проблемы. Смотрите, среди деталей насоса имеется длинный винт. Чтобы его выточить используется специальный станок. Отдельный станок нужен и для шлифовки и полировки готового изделия. Ну а мы делаем эти винты по «обходной технологии» — приспособили под наши нужды простой токарный станок. Исключительно по причине тотальной нехватки оборотных денежных средств: пара станков, о которых я говорил выше, стоит от 120 до 140 млн рублей.

— **А в итоге?**

— Все погружные насосы оцениваются по времени безотказной работы, то есть работы до первой поломки. Но сегодняшний наш средний показатель — 365 дней. А у двух наших

главных конкурентов — ПК «Борец» (Москва) и немецкой фирмы «Нетч», он составляет 400 суток и выше.

— **А разве немцы не потеряли этот рынок? В начале кризиса, когда рубль рухнул, они, по моим сведениям, были вынуждены из России уйти.**

— Они и ушли. Но потом, когда бизнес адаптировался к новым ценам, вернулись. И чувствуют себя здесь очень уверенно, таможенная политика нашей страны этому, увы, способствует.

— Ну с немцами всё понятно — у них проблем с оборудованием нет. А что такое это ПК «Борец», раньше я о нём не слышал?

— Это предприятие с самым современным оборудованием. Технологически мы от них отстаём очень сильно. Правда, если решить наши проблемы с производством винта, мы это отставание моментально ликвидируем. И даже вырвемся вперёд, поскольку некоторые наши инновационные наработки позволяют обеспечить нам лидерство в этом сегменте рынка. Но, увы, в ближайшее время это вряд ли случится.

— Даже если направите на реализацию программы средства от строительства домов на территории завода? Насколько я знаю, строительный бизнес в Дагестане — занятие весьма прибыльное. Тем более что у вас имеются серьёзные конкурентные преимущества — земля в центре города, свои коммуникации, вплоть до котельной, и ещё целый пакет бонусов, которые получают ваши дольщики.

— Всё так, но тут нам мэрия города подложила большую свинью — два года тянула с разрешением на строительство. В итоге завод завис между небом и землёй. Мы начали осваивать территорию на площадке «Уйташ», куда переселяется наше предприятие, проложили гравийную дорогу, протя-

нули временную линию и подали на объект электричество, залили фундамент литейного цеха, и надолго встали: нет денег.

— В нормальных странах предприятия, выселяемые из центра города, получают не пустую площадку, а готовые цеха, инфраструктурные объекты, средства на переезд и развитие....

— Нам же бесплатно достанутся только объекты инфраструктуры, и то потому, что площадка «Уйташ» попала в программу Фонда моногородов. Кстати, когда я понял, что мэрия строить дома на территории завода нам не даст, я обратился в фонд и сказал, что буду вынужден уйти из этой программы. В итоге руководство Фонда вмешалось в ситуацию и нашу позицию продавало. Но время-то мы потеряли, людей, желающих побыстрее купить жильё, заметно меньше (конкуренция на этом рынке сумасшедшая). И даже если нам удастся в двух строящихся домах всё распродать, то придётся выбирать — покупать необходимые нам станки или продолжать строить новый завод вблизи Каспийска. В общем, нос вытащили — хвост увяз, хвост вытянули — нос в болоте.

— А кредиты?

— Под какие гарантии? Если бы я был на сто процентов уверен, что «Лукойл» в ближайшие пять-шесть лет будет закупать наши насосы в

отказов оборудования. Начали разбираться и выяснили, что фирма, поставляющая нам комплектующие, с которой мы сотрудничаем много лет, вместо немецких подшипников (а своих подшипников в России практически нет) отгрузила нам китайскую подделку, которую ни внешне, ни по маркировке от нужного нам изделия отличить

нормальных объёмах, я бы, может быть, и рискнул. Но одно дело наши желания, а совсем другое — тендеры, на которых разворачивается настоящая война между конкурентами. И при этом мы постоянно ходим по минному полю, поскольку Россия — страна абсолютно непредсказуемая. Накануне одного из тендеров, к примеру, у нас, как назло, пошла череда

невозможно. В итоге тендер мы едва не провалили. А вы — кредит...

Мы, кстати, один раз брали четыре миллиона, когда только начинали разрабатывать наши насосы. Эти деньги нам выделили по прямому указанию Магомедов Магомедов под льготный процент (больше ни разу республика финансовую помощь заводу

имени Гаждиева не оказывала). Так вот даже этот кредит мы не смогли погасить вовремя (времена были очень тяжёлые), что в итоге обернулось для нас серьёзными штрафами.

— **Вы говорите, что две программы сразу не потянете, но не сказали, какая из них для вас важнее — техническое перевооружение предприятия или переезд на новую площадку?**

— «Уйташ», конечно. За двумя столами сидеть невозможно, куча дополнительных расходов возникает. Заводы ведь в «тени» работать не могут, у нас вся бухгалтерия белая. Аналоги ежегодно растут. В центре города, к примеру, налог на землю запредельный. Чтобы нам от него избавиться, надо быстрее переезжать. А мы до сих пор построенную на «Уйташе» литейку запустить не можем — государство никак не протянет обещанную линию электропередач. А тут ещё проблемы с замороженным строительством.

— **Единственный покупатель ваших насосов — «Лукойл». Не пробовали выйти на другие нефтяные компании?**

— Бесплезно. Ни «Роснефть», ни арабские компании тяжёлой нефтью не занимаются в принципе. Они работают только с фонтанирующими скважинами, где насосы не нужны.

— **В республиканское правительство вы за помощью не обращались?**

— Шутите? Наши руководители вспоминают о нас только, когда считают налоги, и «неожиданно» выясняется, что промышленность, доля которой в валовом региональном продукте составляет всего 6%, обеспечивает треть всех налоговых сборов. Один наш завод ежегодно платит около 140 миллионов рублей. При этом все прекрасно понимают, что надо развивать промышленность, но дальше разговоров дело не идёт. Посмотрите на тот же «Авиаагрегат». Три раза его прокатили с гарантиями по кредиту и загубили проект выпуска коммерческого автомобиля, благодаря которому в Дагестане можно было создать автомобильный кластер, обеспечив заказами практически все заводы. Мы, честно говоря, на этот проект очень рассчитывали, там было много позиций, интересных для нас. Но, увы, из-за отсутствия гарантий по кредиту проект так и не пошёл.

Не знаю, может, сейчас ситуация изменится. Буквально вчера директоров промышленных предприятий республики пригласил Владимир Васильев. Интересовался проблемами, спрашивал, какую помощь может нам оказать. Сказал, что в конце декабря состоится заседание Госсовета РФ, на котором будут обсуждать вопросы развития промышленности; выяснял, какие проблемы для Дагестана являются приоритетными. Я, как и мои коллеги-директора, очень надеюсь, что с его приходом отношение к промышленникам изменится.

— **Административный ресурс, конечно, — великая вещь, но сегодня вам, как я понимаю, нужны деньги.**

— На финансовую помощь со стороны мы давно уже не рассчитываем. Подарков нам никто не преподнесёт, о своём отношении к кредитам я уже сказал. И, по большому счёту, надеяться на финансовую помощь республики, по меньшей мере, наивно. Да, в ходе первого чтения бюджета объявили, что для республиканского Фонда развития промышленности предусмотрели 1 млрд рублей. Но потом всё переиграли и оставили всего 100 млн. На что их хватит?

Честно говоря, я лично был бы очень доволен, если бы руководство республики

просто выполняло свои обязательства. Не тянуло с прокладкой линии электропередач на «Уйташ», обязало мэрию Махачкалы выполнять свои обязательства по трёхстороннему соглашению между правительством, администрацией и заводом, заключенному для переезда на новую площадку. Я был бы очень рад, если бы наше правительство приложило усилия для создания в республике санкционированного полигона для утилизации твёрдых бытовых отходов.

— **Какое отношение к заводу имеет полигон для мусора?**

— Самое прямое. Из-за его отсутствия все промышленные предприятия республики ежегодно платят громадные штрафы за негативное воздействие на окружающую среду. Я мог бы и дальше развивать эту тему, но не буду. Новый руководитель республики только начал вникать в наши проблемы, посмотрим, как далеко он зайдёт по пути их решения. Увидим мы, что правительство повернулось к промышленности лицом, —

замечательно. Мы и сами подключимся к их решению. Если же ничего не изменится, ни к чему сотрясать воздух и предъявлять претензии.

Знаете, я езжу по Махачкале, как по кладбищу. Здесь покоится завод «Металлист», здесь — «Приборостроительный», здесь — «Дагэлектромаш», там — «Эльтав». Намного легче посчитать выжившие предприятия. В нашем миллионном городе их осталось-то всего три: «Азимут», «Авиаагрегат» и завод Гаджиева. Такие печальные дела.

Иногда подмывает бросить всё, уйти в бизнес, начать строить гостиницы, рестораны. Просто зарабатывать деньги и не думать о том, чем загрузить литейку, которая в идеале должна работать круглосуточно, где найти новые заказы для завода. Тем не менее, пока держимся, пытаемся что-то сделать. И надеемся, что настанут времена, когда потенциал предприятий, сумевших пережить перестройку, окажется востребован.

От редакции: Через два дня после беседы с Папалашовым он позвонил в редакцию и сказал, что, похоже, лёд тронулся. «Сегодня, — сообщил он, — на площадку «Уйташ» приехал Владимир Васильев вместе с председателем правительства и министром экономики РД. Мы рассказали ему обо всех наших проблемах, а он пообещал максимальную помощь и поддержку в строительстве нового завода. Так что у нас появилась надежда на то, что ситуация изменится, и завод опять окажется нужен республике».

Светлана Анохина

ЗАМРИ, УМРИ, ВОСКРЕСНИ

На дворе трава, на траве мочало,
У неё на полке — волшебный шар.
В нём хранятся: ключи, перебор гитар,
Листья гинкго, густой аромат сигар,
Шум базара, браслетик для входа в бар,
Ну и прочей подобной фигни немало.

Для чего? Для радости — только лишь:
Взял в ладони, дурак такой, и глазеешь.
Пусть в ночи рыдаешь, с утра седеешь,
Улыбаешься кривенько, как умеешь,
И о разном хорошем под нос молчишь,

Мол, вот так вот и так, мол, вернусь опять
К этим барам пивным, барахолкам, лавкам,
Подворотне, где брешет весь вечер шавка,
Подведу глаза и надену шляпку,
Научусь без повода не страдать,

Торговаться до хрипа на старых рынках...
Шар волшебный как память, как артефакт.
Станет плохо, достанешь, сожмёшь в кулак
Жёлудь, ключик, браслет, гулкий лай собак,
Свои нервы и жёлтые листья гинкго.

Борис Войцеховский

У Борхеса — да, это как раз ты помнишь отчётливо, и саму книгу из серии «Трилистник», так вы её называли, и погружение в непривычную воду непривычной литературы, и то, как не хотелось отдавать книгу, как придумывала отговорки «забыла», «в сумку не влезла», но так и не решилась просто не отдать, — есть рассказ «Фунес — чудо памяти». Он про человека, который как-то свалился с лошади и в голове у него произошло удивительное — каждый из прожи-

тых дней он мог восстановить по секундам. Правда, и на вспоминание уходило столько же — целый день.

Может быть, тебе так детально и не надо, но в последние лет двадцать ты замечаешь, как кто-то крадёт у тебя воспоминания. Хорошо ещё — тащит пока преимущественно скверное. Потому ты, смеясь, говоришь «я очень счастливый человек», мол, заточена под это — чувствовать и помнить радость, и говоришь это, ничуть не кривя душой. Но

то, что у тебя осталось, то, что успела зажать в кулаке, равно ли тому, что было раньше?

Может, это стало причиной, а может, просто понравились эти стеклянные дурацкие шары за смешные деньги и с пробковой крышкой. Они идеально ложатся в руку, заполняя ладонь. Иногда кажется, что чуть ли не самое важное в жизни, чтобы что-то вот так плотно, не оставляя зазоров, заполняло твою ладонь. В общем, ты видишь эти шары и вдруг покупаешь их. Сначала один, а затем приходишь через день и покупаешь ещё, пока даже не зная, зачем они и к чему их можно приспособить.

А после одним хмурым пражским утром ты выходишь покурить на балкон — в этом октябре ты очень много куришь — и находишь там лист. Ты стоишь и смотришь на внутренний двор твоего дома. Вертишь этот лист в пальцах и думаешь, как странно, что умер близкий друг, такой близкий, что

уже даже и не друг, а ты вот ничего не можешь извлечь из этого факта. Только изумление. Он просто не может пробиться к тебе, в тебя, получить доступ к слёзным протокам, к сердцу и горлу, будто настоящая ты спрятана, помещена в прозрачное, неуязвимое, круглое.

Невыносимая лёгкость бытия — так сказал один пражанин; и ты, в три приёма, тушишь окурок в блюдечке, повторяя вслух:

«Невыносимая. Лёгкость. Бытия».

В общем, ты берёшь этот лёгкий лист и кладёшь его в шар. И сразу всё обретает смысл, и у Шара появляется имя и предназначение. Теперь ты будешь складывать туда свои дни. А чтобы не хихикали у тебя за спиной и не крутили пальцем у виска, будешь называть это немного по-детски — Шар для Радости.

Кстати, тот самый борхесовский Иренео Фунес составил свою систему и скучное

число, к примеру, семь тысяч сорок обозначал словом «поезд». С твоими Шарами, а их пока два, дело обстоит похожим образом. Посторонний видит щепку, гайку, пуговицу, но для тебя они — способ уцепиться за деталь, за разболтавшуюся ручку, за ржавую петлю, за торчащий кривой гвоздь и вытащить слегка упирающийся ящик, в котором...

Тот самый Лист. Он с дерева гинкго. Кто-то рассказывал, что именно под этим гинкго принц Сидхартха Гаутама и получил своё просветление. Откуда, с какого дерева он попадал на твой балкон, если живёшь ты на пятом, выше — только одни соседи, и на их балконе лишь фикус в горшочке, и никакого Гаутамы. Будто кто специально кидает их с крыши каждое утро. Понемножку кидает, экономя.

Тут сейчас нужно про дом и про саму Прагу. Она тебя не впустила. Столько лет, столько чёртовых лет думать о ней как о земной проекции Вечного Города, твоего Города, и потом попасть туда и не узнать ни камня, ни стены, ничегошеньки. Очень нарядно, очень красиво — и всё на этом.

А дома тут устроены так: они собираются группками, плечо к плечу, образуя ква-

драт, и запирают свои нарядные двери. Если у тебя нет ключа, то тебе и не увидать изнанку, не узнать, что стены их, не обращённые на улицу, а упёршиеся лицами друг в друга, немного расслабляются. Будто расстёгивают верхнюю пуговичку рубашки и переобуваются в домашние, растоптанные удобные туфли.

У каждого дома есть свой внутренний дворик. И в такой дворик выходят окна Тайной квартиры, что в доме напротив. Ты так и зовёшь её — Тайная. Иногда видишь, как на балкон выходят и курят там

миниатюрные смуглые и раскосые люди. И на окнах этой Тайной лиловые портьеры, и фартук у мелькнувшей за стеклом девушки тоже лиловый.

«Это Триада, — говоришь ты другу, который тебя и приютил, — точно она! Или что-то похожее. Посмотри, какие они стремительные и опасные. Я думаю, они по ночам выбирают на крышу и, переходя с одной на другую, доходят до нашей. И стоят там, кидают листья, которые им привозят контрабандой с родины. У них там, в триаде, растёт гинкго?»

А друг фыркает и отвечает: «Ты казёл! Это тайский массажный салон, и работают там казахи и киргизы».

Друг смотрит на тебя любовно и снисходительно, он живёт в этой самой Праге и умеет, не запинаясь, произносить слово «Трдельник». Поэтому ты не говоришь ему, что он сам казёл. И даже не ищешь больше взглядом дерево гинкго. Просто каждое утро выходишь на балкон, поднимаешь новый листок и киваешь лиловым портьерам в доме напротив.

Радость, сейчас нужно из всего извлекать радость, повторяешь ты. Бросаешь в Шар монетку в пять крон. Крохотные ключи, найденные на дне сумки в тот самый день, когда тебе дали настоящие, от этого самого дома: один ключ от двери в подъезд, второй от квартиры. Зелёный прозрачный камешек, он по цвету совсем как бутылка Бехеровки, у неё особый лекарственный привкус, и это очень смешно — ты вроде бы и выпиваешь, и глотаешь микстуру.

Кстати, праздники излечивают. Почти от всего. И яркие цвета — тоже. Крохотные тыковки были куплены на Хэллоуин. И ты с внезапно найденной девушкой из твоей позапрошлой жизни приготовилась отмечать его со всей нечеловеческой силой. На тебе был парик, цыганистый, длинноволосый. А Танюха так туго зашнуровала корсет, что её бюст... В общем, тыковки символизировали сразу всё, если кто не понял.

Вы шли по ночной Праге, мотая юбками, чувствуя себя двумя женщинами-кошками и ещё Чёрными Мамбами; а после долго стояли у входа в ночной клуб, и вас пропустили бесплатно. На вас было столько косметики, что охранник сказал: «с тех, кто в костюмах,

денег не берём». Вы пробыли там совсем недолго, оказывается, много и не надо. Можно даже вообще не ходить никуда, кроме как в булочную, и чувствовать себя прекрасно. Знание о возможностях иногда заменяет участие. Две Чёрные Мамбы шли домой по спящей

Праге, раскланиваясь с ведьмами, скелетами и девочками у которых на голых животах губной помадой были криво нарисованы шрамы. Вспоротые девочки тоже шли домой.

В Шар попадали разные штуки. Игральная кость зелёного цвета. Она напоминала, что есть такая штука, как удача, и тащила за собой тихий день. Прозрачная капсула с касторкой, сослепу принятая тобою за бусину опалового цвета. Бумажный браслетик из другого ночного клуба. Палочки корицы, выловленные из глинтвейна на Староместской площади. В последний день перед отъездом ты увидишь там квартет — четырёх старых лабухов, циничных красноносых, играющих что-то залихватское. Остановишься перед ними, а потом, не удержавшись, пойдёшь танцевать, одна, как полный придурок. И вездесущие японские туристы будут делать селфи на фоне тебя, размахивающей конечностями и плачущей непонятно почему.

А ещё Шар приютил жемчужную серёжку. Ты нашла её в лавке старьёвщика на улице с названием Ячменная. Хозяин был такой древний, что кажется, сидел в этой лавке с начала времён. Видел, как толпа тащила топить Яна Непомуцкого. Как, чуть не задев витрину лавки глиняным кулаком, промчался мимо обезумевший Голем, руша и сжигая город. Видел другого Яна, во главе отряда гуситов. Гашека, бредущего с друзьями, чтоб распить бутылочку. А Кафка наверняка торчал в этой лавке так же долго, как и ты, пугаясь фарфоровых пастушек с отбитым краешком юбки и стараясь удержать секундную стрелку в часах на цепочке, часах тусклого серебра.

И вот там лежала эта серёжка. Не на витрине, а на полу, в развалах, в разлезающей коробке. Для тебя лежала. И ты её нашла, а она нашла тебя, и ты, показав её хозяину, спросила — ммм? И он кивнул. А после махачкалинская подруга скажет, что у неё были такие же серьги. Но возвращалась домой, друзья подвозили, махнула неудачно рукой и вылетела серёжка где-то между Махачкалой и Каспийском. И вы засмеётесь, и её потеря станет ерундой, потому что прикольно же думать, как далеко, аж до Праги, до улицы Ячменной, долетела жемчужная серёжка.

И ты тут же вспомнишь того самого, только что умершего друга. Это было очень давно в городе, похожем на Прагу, только более настоящим, что ли. Вы сидели на диване, и всё было плохо. Хотя сидели рядом. Очень близко. Настолько близко, что Олеж-

кино дыхание шевелило страницы твоей книжки. Книжка была плохая. После неё не хотелось бежать и подпрыгивать, обнимать кого-то за смуглую шею, пускать солнечных зайчиков зеркальцем из пудреницы и есть клубничное варенье столовой ложкой. А хотелось лечь и навсегда отвернуться к стенке.

За окном был Львов и в нём шёл дождь.

И вот когда всё сделалось совершенно невозможно, и оставалась только стенка — которая уже готовилась быть всегда перед глазами — принесли телеграмму от того самого друга, он торчал где-то на югах. Она была очень короткая. Там было написано: «Радости скупая телеграмма». И подпись

— «Жизнь». А через минут десять дождь кончился.

Спустя двадцать шесть лет тоже случился дождь. Он стал накрапывать, когда вы с Танюхой, что давно уже стала пражанкой, поднялись на Вышеград.

«О, — сказала Таня, — вот лабиринт, гляди, его нужно пройти и просить чего хочешь, а после встать в середине, зажмуриться и опять просить». — «И дадут?» — «Безусловно», — ответила Таня на языке вашего общего прошлого.

И вы пошли, стараясь ступать аккуратно, чтоб не задеть прочерченных белой краской путей. Шагать сначала было просто, вот просить не очень получалось; это же нелепо как-то — кого просить, как его отчество, фамилия его как? А потом стало странно и слова пошли сами собой. И отчество не понадобилось. Голова немного кружилась от хождения по этим белым спиральям. Каштан

и жёлудь в твоей руке нагрелись. И казалось, что ещё немного, и они будут просвечивать сквозь твой кулак.

Подошла группка японских туристов и принялась фотографировать двух полоумных. Но тебе было уже всё равно.

«Силу дай, — настаивала ты, — удачу, ясного понимания, что мне нужно успеть, а на что не стоит тратить время. Ты же знаешь, я вечно вялываюсь в какое-то говно! — На этом слове лабиринт кончился, вы с Танюхой стояли в его центре. Ты торопливо добавила: — И ещё впечатлений, дай разного, но сильного, чтоб во всю мочь!»

Никогда ещё ответ сверху не приходил с такой скоростью. С неба сначала закапало. Потом полилось. С другой стороны Влтавы надвигалась чернильного цвета туча и уже проглотила и Малу Страну, и полмира. И вы побежали. А дождь сменился градом. Вы неслись вниз как две полоумные курицы, и буквально ввалились в очень тихую и душевную кафешку. Её словно не было тут, когда вы поднимались, а потом появилась. Хозяин говорил на русском. И женщина с двумя детьми говорила на русском. И пришедшие позже два бугая, косившие под бластных, тоже говорили на русском. И тебе там дали наливку.

«Выберите для меня сами, — попросила ты хозяина, — только не говорите, что это». И он выбрал. Она прокатилась как шаровая молния по горлу. Ты не устояла и, как всегда, сама всё сломала, спросив — что это было? И тебе сказали — груша. Но вкус был другой. И потому в Шар — вместе с каштаном, шиповником и жёлудем — отправился ещё ярко-красный стеклянный Перец. Жгучий перец. Такой, что приложи его к коже, и останется ожог в форме Вышеграда, и града, и дождя, и лабиринта. Или груши. А почему нет?

Нужно просто постараться помнить радость. Нужно купить себе ещё один Шар и складывать туда всякую ерунду, которая совсем не ерунда.

Тогда, может быть, кулак, в котором ты бьёшься, изнемогая от отвращения и присутствия чужого едкого тепла, вдруг разожмётся. И ты снова сможешь вольно дышать.

Влада Бесараб

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА, ИЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

«Преодоление горизонта» — так назывался совместный проект Северо-Кавказского филиала Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО» (Республика Северная Осетия–Алания), Национального музея РД им. А. Тахо-Годи (НМ РД) и художественной галереи современного искусства Дагестана «Первая Галерея», посвящённый 100-летию Октябрьской революции.

Выставки, на которых были представлены произведения осетинских и дагестанских художников, сумевших «преодолеть горизонт» официальной культурной идеологии, воплотивших в художественных образах гуманистические ценности двух национальных культур, художников, чьё творчество явилось революционным вызовом привычным художественно-эстетическим течениям своего времени (с 20-х гг. XX века по сегодняшний день), прошли во Владикавказе и Махачкале. Проект был реализован при поддержке Министерства культуры России. В качестве куратора выступил известный российский искусствовед, автор теоретических исследований в области современного искусства, начальник отдела междисциплинарных программ Государственного

центра современного искусства (ГЦСИ) Виталий Пацюков.

Куратором дагестанской части проекта стала директор «Первой Галереи», заместитель по науке генерального директора НМ РД Джамиля Дагирова. Она-то и предложила Виталию Пацюкову включить в экспозицию проект Марии Шерматовой «Пèри», выступив в качестве его соавтора. Именно Дагирова сформулировала цельное высказывание, «открывающее» проект, нашла название, которое объединило новеллы в последовательный сюжет и обеспечило целостность восприятия иллюстрирующих его образов.

С формальной точки зрения «Пèри» — это пять текстильных кукол авторской работы и сопроводительные тексты к ним. Но, будь это всего лишь куклы и всего лишь тексты, не стать бы им идейно-художественным центром всего проекта «Преодоление горизонта».

Значительность и значимость того или иного произведения искусства абсолютно непредсказуемы для автора, не подчиняются его авторской воле. Да-да, это то самое пушкинское «какую штуку сыграла со мной Татьяна. Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от неё». Вот и Мария Шерматова, будучи просто талантливой рукодельницей, любящей шить мягкие игрушки, не ожидала от себя, ЧТО она однажды сотворит из винтажных кружев и тканей, семейных историй, впечатлений от прочитанных книг и ещё бог весть чего, что нельзя ни потрогать, ни прочесть, ни понять.

«Работа была абсолютно интуитивной, я шила и писала вслепую — так, как шло. И только когда все пять героев были готовы и все пять текстов написаны, всё связалось». Это и есть «преодоление горизонта»: преодоление собственного страха перед переходом из «любительницы шить» в художники. Но этот переход — самый лёгкий, безболезненный и единственный, контролируемый автором.

Куда больше нас интересуют горизонты, преодолеваемые уже самим произведением. В данном случае затруднительно даже опре-

делить вид искусства, которому принадлежит проект «Пèри». Это арт-объекты или текстильная скульптура малой формы, или некий иной вид визуального искусства, сопряжённый с искусством вербальным. Соответственно, его значение не исчерпывается только текстовой или только визуальной частью, проект синкретичен. Можно также утверждать, что он символичен и полифоничен, — если исследовать отдельно каждую пару «кукла + её новелла» и то, как они выстраиваются в единый визуальный ряд и единый текст. Но мы остановимся именно на значении (конечно, правильно говорить «на значениях», но для удобства ограничимся единственным числом, помня о полисемантности).

У каждого произведения (памятника) искусства, помимо его фактического, буквального, «конечного» (по Бахтину) значения, есть значение становящееся, меняющееся. Живое.

Оно не появляется на свет вместе с появлением самого произведения, а созревает на протяжении иногда многих лет, а иногда — как результат мгновенного озарения. «Это растущее значение нельзя вывести и объяснить только из ограниченных условий одной данной эпохи, эпохи рождения памятника, — пишет Бахтин, — оно подготавливается веками, но совершается в оптимальных условиях одной определённой эпохи».

Живое значение определяется временем. Значение «Пèри» определяется временем создания проекта и временем бытования его героев. В равной степени. Место (создания, бытования) также играет здесь важную роль, поэтому можно смело оперировать любимой бахтинской категорией — хронотопом, который, как известно, категория сюжетобразующая и формально-содержательная. Он же определяет единство произведения в его отношении к реальной действительности.

А действительность такова, что в нынешнем 2017 году мы отмечаем 100-летие Октябрьской революции. Той самой, что изменила ход истории. Той самой, что изменила судьбу Салиха, Ирмы и Сюнменли (все герои

И только когда все пять героев были готовы и все пять текстов написаны, всё связалось.

проекта «Пёри» имеют имена, причём «говорящие»), как и судьбы миллионов реальных людей. Не будь революции 1917-го, Салих, возможно, не женился бы на Сюнменли, не родилась бы их дочь Алжана; а если бы женился, и если бы родилась, то жили бы они долго и счастливо в своём большом богатом доме — если бы не революция. У нас у всех всё, возможно, могло быть иначе, если бы 100 лет назад не случилось то, что случилось.

Так о чём же всё-таки эта история? В пояснении куратора сказано, что это «сага о любви». Но, кажется, она совсем не о любви, а о жизни. Жизни без любви. Революция оставила этим героям жизнь, но лишила любви. Они одиноки. Их одиночество длится бесконечно долгие 100 лет.

В искусстве 100 лет — это временной цикл, замкнутое время. Время вечное и бесконечное, библейское (а дедушку не зря зовут Салихом=Мафусаилом). В 100 лет вмещается всё: рождение, расцвет и гибель — применительно как к человеку, так и к цивилизации.

У Марии Шерматовой время ко всему прочему ещё и материально: она использует подлинные ткани столетней давности. Фото Нижинского, которое по сюжету Ирма бережно хранит, завернув в кружевной платок, на самом деле завернуто в платок, который принадлежал бабушке художницы. В этой точке пересекаются времена — историческое и литературно-художественное с временем реальным, в котором существовали не только Нижинский и бабушка автора, но существует и сама автор, и даже зрители, которые начинают верить, что все события, описанные в проекте, реальны — так же, как этот самый платок! А всё потому, что субъективное время (и пространство, но о нём ниже) невероятным образом смешано с объективным.

Иногда художник намеренно раздвигает временные рамки ещё шире, перенося предметы одного времени в другое: так среди книг Алжаны появляется «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса, который вышел в русском переводе только во второй половине 90-х. Но, во-первых, Алжана владеет немецким и могла бы читать Грасса в оригинале. Во-вторых, не факт, что она показанные кни-

ги читает, а не крутит из них кульки для семечек. А в-третьих, включая в проект один из самых ярких антифашистских романов XX века, автор напоминает нам о Второй мировой войне — величайшей катастрофе в мировой истории, а не только последнего её столетия. Если здесь, как и с платком или расписными шароварами принца Искандера (это самый таинственный персонаж из всех), Мария своей авторской волей смешивает и сталкивает временные пласты, то в других случаях всё происходит само собой.

Например, если рассматривать проект Шерматовой не сам по себе, а в контексте экспозиции «Преодоление горизонта», то красные леденцовые петушки, которыми торгует Алжана, причудливо коррелируют с картиной «Красный петух» североосетинского художника Юрия Дзантиева. А он, в свою очередь, вызывает совершенно определённые ассоциации с многочисленными петухами Марка Шагала! И вообще петух — один из древнейших образов-символов мировой культуры, а красный петух — агрессивен; в древнем Китае он, например, являлся символом войны. А в астрологическом смысле, согласно тем же древним китайцам, петух соответствует октябрю. А что в нашей стране символизирует и с чем ассоциируется красный Октябрь, никому объяснять

не надо, но можно вспомнить, что 2017 год (по китайскому, опять, календарю) — это год Петуха... Таким образом, мы нашли только в одном образе новое сочетание пространства и времени, открыли новый хронотоп.

Такая хронотопичность и резкие изменения масштабов (история человека — исто-

рия семьи — история поколения — история страны — мировая история) нарушают привычную пространственно-временную логику образов, создают ощущение их несвязности. А они связаны — и друг с другом, и с нами. И чем больше в них вглядываешься и вчитываешься, тем теснее эта связь. Просто она не просматривается в пределах горизонта.

Мы, конечно, помним, что в искусстве ничего просто так не случается, а всё «случайное» является важным и значительным. Не стоит забывать и о том, что однозначной интерпретации событий не отыскать. Тем интереснее процесс поисков, которые уже привели нас через Осетию и Витебск в Китай. Кстати, шёлковые нитки, из которых Алжана и её мать Сюнменли плели невесомые тастары, были китайские. При чём здесь тастары и куда они завели несчастную Алжану, надо читать непосредственно в текстах Шерматовой. Она сплела-соткала эти истории, крепко затянула узелки — на память.

Отвечая на вопрос, почему ею была выбрана именно такая форма визуализации — текстильная скульптура, Мария говорит, что ей интересно исследовать пластику ткани,

дойти до предела её изобразительно-драматургических возможностей. Если он есть, этот предел. «Взять в руки краски и просто раскрасить лица мне никогда не хотелось. Да я и не умею», — подчеркивает она, поясняя, что для неё важна не похожесть черт, а художественность образа при сохранении большой доли условности.

Поэтому принц Искандер делался именно по эскизу Бакста к балету «Пёри», а не по фотографии Вацлава Нижинского, который должен был в нём участвовать. Нижинский важен для Ирмы, для Марии на первом месте — Искандер. Там, где без умения рисовать было совсем не обойтись, Шерматова обращалась к профессиональным художникам. Рисунки для альбома Алжаны и «семейные фотографии» героев создал Мурад Халилов. Алые шаровары принца Искандера расписала золотом Диана Гамзатова.

Если бы Мария или другие художники расписали и лица, получились бы персонажи кукольного мультфильма, игрушки с историей. Вся концептуальность бы про-

пала. Недостигаемый, чистый горизонт — высокое искусство — оказался бы намалёванным на холсте театральным задником, который любой критик проткнул бы своим пером, как Буратино — носом. Такой «кукольный театр» не заинтересовал бы Виталия Пацюкова, который на открытии выставки в Махачкале отметил, что «текстильные скульптуры Марии Шерматовой демонстрируют музейный уровень исполнения, автору удалось найти своё собственное зерно, которое обязательно нужно продолжать растить и развивать».

Уже будущей весной проект «Пёри» будет показан в Москве в рамках региональных проектов Государственного центра современного искусства. По мнению Виталия Пацюкова, он имеет большой потенциал к тому, чтобы стать тотальной инсталляцией. Автор не намерена останавливаться на достигнутом и работает над созданием новых образов, расширяя пространственно-временные границы, согласно «маячкам», расставленным в новеллах.

Лев Бакст. Эскиз костюма принца Искандера к одноактному балету «Пèри» на сюжет персидской сказки. Музыка П. Дюка, постановка Сергея Дягилева для «Русских сезонов».

Сергей Дягилев отменил постановку балета предположительно из-за спора с автором музыки Полем Дюка по поводу танцовщицы Наталии Трухановой, которая по замыслу Дюка должна была танцевать главную партию. Версия Трухановой иная — музыка Дюка не произвела на неё впечатления, и композитор был вынужден её переделать, а после замены Вацлава Нижинского (исполнителя партии «Принца Искандера») на А. Больша, Труханова покинула труппу. Свою версию «Пèри» она поставила в хореографии Ивана Хлюстина и оформлении Рене Пио в июне 1912 г.

Алжана

Алжана — это имя в переводе значит «Рай». Она была единственной и балованной дочерью дедушки Салиха и бабушки Сюнменли. Родилась она после революции и раскулачивания семьи. Всё нажитое родом состояние было разграблено. Из всех предметов роскоши остался лишь спрятанный на чердаке мешок китайских шёлковых ниток.

Сюнменли учила Алжану изящному рукоделию, которое много лет кормило семью — они плели из шёлка паутинные платки-тастары. Тонкие нежные пальчики быстро привыкли ловко вязать узелки на текучих нитях. На один платок уходило несколько месяцев труда, и стоил он дорого.

После войны Алжана была арестована на рынке с двумя тастарами и осуждена за спекуляцию. Принадлежность к старинному знатному роду отозвалась максимальным сроком за это преступление. Так Алжана попала в исправительно-трудовой лагерь Байкало-Амурской магистрали. В первую же сибирскую зиму, работая лопатой на насыпи в тайге, Алжана застудила суставы рук, и они потеряли подвижность. Всю жизнь страдала от артрита и невозможности заниматься любимым делом — плести шёлк.

В лагере Алжана познакомилась и подружилась с профессором германской филологии Адой Эденовной Штерн, которая отбывала срок за шпионаж. Ночами она шептала Алжане стихи Гёте, Рильке, Гейне, Шиллера и однажды сказала ей, что самые великие мыслители человечества думали на немецком языке, потому что он совершенный. В лагере Ада Эденовна прожила 9 месяцев и умерла у Алжаны на руках. Алжане остались её книги, и она пристрастилась к чтению.

После окончания срока Алжана вернулась в Нижнее Казанище, вышла замуж за троюродного брата — вдовца с тремя детьми. Они тихо жили в Махачкале.

Ирма

Ирма происходила из знатного княжеского рода — одной из ветвей Романовых. В 18 лет состоялся её первый выход в свет, и родители решили отметить вступление дочери во взрослую жизнь поездкой в Париж. Это было время триумфа «Русских сезонов» Дягилева в европейских столицах. В семье решили, что «Жизель» — достаточно целомудренная постановка, чтобы юная девушка могла её увидеть. Так Ирма впервые увидела на сцене «бога танца» Вацлава Нижинского в партии принца Альберта, и влюбилась в него. Фотография знаменитого танцовщика всегда хранилась у неё под подушкой в кружевной платке. Родители удивлялись: почему Ирма отказывает всем поклонникам? Но сравниться с Нижинским не мог никто.

Второй большой любовью Ирмы стал тяжело раненный боец по имени Салих, за которым она ухаживала в госпитале во время Первой мировой войны. Он ласково и хмуро смотрел на неё, мало говорил. Ирму смущало постоянное присутствие посторонних людей рядом, и она тоже молчала и вела с этим храбрым воином милые сердцу разговоры в своих мыслях. Княжна представляла себе, как они вдвоём пьют утренний чай в саду их поместья, прогуливаются по оранжерее, рисуют ботанические акварели, а вечером при свечах играют в четыре руки на клавесине. Однажды Салих взял Ирму за руку и предложил стать его женой. Она согласилась. Молодые люди решили готовиться к побегу на родину Салиха — загадочный и манящий Кавказ. Революция сломала их счастье. Ирма бежала с семьёй в Париж и больше о Салихе ничего не слышала. Она много лет писала ему письма.

Родители Ирмы переносили эмиграцию тяжело. Совсем скоро деньги и ценности в семье Ирмы закончились, и девушка стала зарабатывать на жизнь вышивкой одежды. Её работы хорошо покупались, и на последние деньги от продажи семейных бриллиантов Ирма открыла ателье, которое со временем стало модным. В его витрине стояла сшитая кукла — марионетка, похожая на Вацлава Нижинского; и каждый сезон Ирма шила для него новый костюм по рисункам Льва Бакста, которые она находила в журналах.

Ирма поздно вышла замуж за владельца большой строительной фирмы с баронским титулом, стала вхожа в круги парижской аристократии, прожила долгую и спокойную жизнь.

Салих

Дедушка Салих (библейское имя — Мафусаил) происходил из семьи потомственных лекарей Нижнего Казанища. Характер имел боевой, и по собственному желанию попал на службу в Дикую дивизию (Кавказскую туземную конную дивизию). На Румынском фронте Первой мировой войны в 1916 году был тяжело ранен. Его долго лечили, переводили из госпиталя в госпиталь. На очередном этапе лечения он попал в госпиталь Царского Села, где за больными ухаживали девицы и дамы из высокородных семей Петербурга, прошедшие курсы сестёр милосердия.

Княжеский род медсестры Ирмы, которая ухаживала за Салихом, относился к одной из дальних ветвей Дома Романовых. Между молодыми людьми вспыхнуло чувство, и они решили тайно бежать в Нижнее Казанище, поскольку даже речи не могло быть о том, что семья Ирмы согласится на этот брак. Салих уехал сначала один, чтобы подготовить дом к приезду невесты и уладить вопросы с роднёй, ведь за ним с детства была засватана односельчанка — Сюнменли, девушка из знатной семьи.

Вернувшегося живым Салиха семья встретила известием, что Сюнменли за время его службы стала богатой наследницей. Он не смог противостоять давлению тухума. Молодых поженили через две недели после его возвращения. Это была зима 1917 года.

Ирма не имела известий от Салиха и ждала, что он заберёт её. Семья девушки бежала от революции в Париж, и Ирма покинула Россию. Салих прожил долгую жизнь с Сюнменли, относился к ней хорошо, но всю жизнь любил Ирму и тосковал по ней.

Ирма писала ему письма из Парижа. Одно из них с фотографией чудом дошло до Салиха. Его передали с оказией через несколько рук. После этого письма Салих решился оставить жену и единственную дочь Алжану ради Ирмы и обратился к властям, чтобы его выпустили из страны. Ему было отказано, из больницы он был уволен и стал зарабатывать на жизнь семье сапожными работами. Днём он мастерил обувь, а ночью к нему приходили люди лечиться. Хороший был врач.

Сюнменли

Сюнменли была покладистой и послушной дочерью своих родителей. Она с детства знала, что выйдет замуж за сына друга своего отца по имени Салих. Спокойно ждала, когда семьи договорятся о свадьбе, занималась хозяйством и плела вместе со своей любимой тётёй (сестрой матери) шёлковые тастары — платки-паутинки.

Сюнменли огорчило решение Салиха поступить в царскую армию, но она не сомневалась, что он вернётся и женится на ней.

Понятная жизнь Сюнменли была дважды перевёрнута неожиданными событиями, которые её потрясли. Одно — очень хорошее, а другое — очень плохое. Её любимая тётя была известной красавицей и согласилась стать второй женой богатого дербентца. Он купил ей самый большой дом в Нижнем Казанище, украсил его лепниной снаружи и шёлковыми обоями внутри, обставил дорогой мебелью. Односельчане Сюнменли никогда не видели такой роскоши. Тётушка не могла иметь детей и объявила наследницей племянницу. Став невестой с богатым приданым, Сюнменли пришлось выдержать натиск сватающихся односельчан. Она осталась верна Салиху и слову, которое дали её родители.

Вторым событием стало рождение дочери Алжаны, после которого Сюнменли сказали, что детей она больше иметь не может. Больше Сюнменли ничему сильно не удивлялась и жила без ожиданий. Не удивилась, когда советская власть отобрала у них большую часть дома и оставила семью жить в двух маленьких комнатах. Не удивилась, когда до неё дошли разговоры односельчан, что Салих хочет уехать от неё и дочери. Не удивилась, когда к семейным фотографиям на стене муж повесил портрет красивой дамы по имени Ирма.

Сюнменли и Салих прожили долгую жизнь, никогда не выезжая из Нижнего Казанища.

Влада Бесараб

Пленэр

МУКАР НЕОРОМАНТИКА

Предлагая Андрею Гончару участвовать в проекте нашего журнала, я рассчитывала получить работы с видами аварских и даргинских сёл, выполненные прошлым и позапрошлым летом. Но, подумав, он предложил серию рисунков и офортов из села Мукар Лакского района, пояснив, что именно отсюда в 2009 году началось его знакомство с высокогорным Дагестаном.

ДАГЕСТАН

Андрей Гончар — дагестанский художник. Коренной махачкалинец, он знает этот город вдоль и поперёк и с детства усвоил все эти многочисленные «можно» и «нельзя», регламентирующие жизнь каждого городского пацана. О теме детства ещё будет сказано ниже, пока же обратимся к его впечатлениям от поездки в горы. Потому что именно горы, а не город, как ни странно, основная тема его творчества, горный архитектурный пейзаж — его излюбленный жанр.

— Друг пригласил меня погостить у его родных в Лакском районе. Мы доехали до Кумуха и долго ждали, когда за нами приедут из Мукара. Дядя товарища появился ближе к вечеру и на его старом уазике мы отпра-

вились в дорогу. Поездка была незабываемой, — смеётся Андрей. — В темноте, по серпантину мы мчались так быстро, как только этот уазик мог!

Впрочем, иногда он всё же «не мог» и приходилось толкать. До места добрались поздно ночью, поужинали и уснули.

— А утром было то самое «Ах!», ради которого собственно эта поездка и затевалась?

— Нет, утром всё было серое и в тумане, я даже немного разочаровался, потому что рисовать при такой погоде не очень интересно — нет ярких теней, красивых контрастов. А потом в какой-то момент выглянуло солнце, и я увидел эту великолепную панораму во всём блеске.

Андрей несколько раз подчёркивает, что тогда как-то сразу вдруг понял, что чувствовали русские и европейские путешественники, приезжавшие на Кавказ, и в горный Дагестан, в частности. И почему художники и писатели возвращались сюда по несколько раз, стремясь запечатлеть и природу, сохранившуюся в почти первозданной красоте, и устоявшиеся веками местные архитектуру и быт.

В этом Андрей Гончар продолжил традицию русской графической школы, представители которой в XIX веке запечатлевали различные стороны горской жизни. Его работы из серии, сделанной в Ури и Мукаре, хранятся в основных фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН в Санкт-Петербурге — она же Кунсткамера — как «представляющие этнографическую ценность».

В чём отличие произведений Андрея Гончара от работ его коллег по мастерской графики ХГФ ДГПУ, часть из которых мы уже публиковали

ранее? Наверное, в том, что, будучи русским по национальности, он и смотрит на природу, архитектуру и жителей Страны Гор со стороны, исключительно как художник. Он максимально отстранён: его впечатления чисты, к ним не примешиваются семейные рассказы, личные воспоминания — все эти свои и чужие эмоции. Восторг от знакомства с чем-то грандиозным, ранее не виданным, экзотически прекрасным, романтическая возвышенность в равной степени характерны для нашего героя и для художников позапрошлого века, например, Григория Гагарина, много путешествовавшего по Дагестану. Эти же качества отличают рисунки Гончара от рисунков советских художников 30–50-х гг. XX века, которые бывали здесь с этнографическими и археологическими экспедициями и с фотографической точностью старались всё зафиксировать. Андрей интуитивно нашёл равновесие между эмоциональной вовлечённостью художника «из местных» и холодностью стороннего наблюдателя, читай: между

сентиментализмом и реализмом. Такой вот романтизм нового времени.

Выставки для художника, как ни странно, не в приоритете. Он никогда не делает работ специально для той или иной выставки. И написать «большую картину» тоже не мечтает. Вообще-то по первому образованию, полученному в Дагестанском художественном училище, Андрей — художник по дереву. Его дипломной работой было круглое декоративное панно «Музыка гор», изображавшее зурнача на фоне условного горного пейзажа. Тяга к прикладному искусству повлияла и на выбор графической специальности: Андрей Гончар — гравёр, офортис. Гравирование для него — медитативное занятие: он может сидеть над пластиной много часов подряд, не замечая ничего вокруг, как бы «проваливаясь во времени».

Кстати, примет современности, временных маркеров в произведениях Гончара нет. Он словно не видит спутниковых антенн, электрических опор, проводов, труб и т. д. Они чужды настоящему романтику. Зато ему близка тема детства в горах, «детства без интернета», как он подчёркивает. Чтобы игрушки не из магазина, а сделанные своими (и с помощью родителей) руками из подручных материалов, чтобы любимые домашние животные рядом, чтобы много воздуха и простора! Своим детям, а у него их двое, художник старается устроить именно такое детство, насколько это возможно в городских условиях. И в своих учениках (последнее время Андрей Алексеевич преподаёт в изостудии) поощряет фантазию, даёт возможность экспериментировать и свободно творить.

Владимир СЕВРИНОВСКИЙ

ПЕЛЬМЕНЬ ЛЮБВИ

Курзе — пожалуй, самое эротичное кавказское блюдо. Зрелище изящных пальчиков, запечатывающих начинку в узкой лодочке из теста, способно вогнать в краску даже Тинто Брасса. И если дагестанцы не шибко вглядываются в кухонное колдовство, на гостей оно действует безотказно.

Один живущий в Москве швейцарский журналист познакомился на Тиндере с изящной темноволосой девушкой, носящей простое русское имя. Лучшие европейские повара — как известно, мужчины. А потому швейцарец готовил подруге на свиданиях филе-миньон и горячий глентвейн, салаты и фондю. Она благодарно ела, но сама к плите не подходила. Шли месяцы. Журналист ездил по России от Владивостока до Владикавказа, но всегда, вернувшись в столицу, встречался с загадочной незнакомкой. Она явно была успешной — это сквозило и в общении, и в манере одеваться, но в детали не вдавалась, а он не настаивал. Только готовил прихотливые буйабесы, обманчиво простые ризотто и морковные пироги цвета счастья, вкладывая в них всю свою страсть. И однажды девушка не устояла. Краснея от смущения, она достала муку и замесила тесто. Вскоре потрясённый швейцарец понял, что русская красавица Маша готовит курзе.

Раскладывая фарш и заклепля края курзешек характерными косичками, она сбивчиво рассказала, что родители рано выдали её замуж за нелюбимого. В новой семье бедняжке пришлось нелегко. Ей не давали ни учиться, ни работать, а над стряпнёй потешались. «Бестолочь! Сперва готовить научись, а потом уже лезь в свои институты!» — фыркала свекровь, невзлюбившая «шибко умную» невестку с первого взгляда.

О возвращении в родную семью и думать было нечего — её бы обругали и тут же привели обратно. Так бедняжка решила на побег в Москву. В столице она сперва делила «резиновую» квартиру с десятком других «понаехавших». Но вскоре труд и природная сметливость принесли плоды. Отдельное жильё она сняла под русским именем — так проще и дешевле, да и родственники не найдут. Перестав быть «лицом кавказской национальности», девушка за несколько лет добралась до директорского кресла в небольшой, но процветающей фирме. От прошлого остался только стыд за то, что она — дурная хозяйка, неспособная вылепить даже блюдо пристойных курзешек. Поэтому «Маша» так долго не решалась отблагодарить швейцарца за европейские разносолы.

Когда история подошла к концу, курзе уже кувыркались в бурлящей воде, как весёлые дельфины. Красавица выловила их шумовкой и поставила блюдо на стол. Её руки дрожали. Швейцарец втянул животительный аромат, попробовал и обомлел. Ещё не дожевав первую курзешку, он понял, что любит эту женщину, проведёт с ней остаток жизни, и на их столе рядом с рукколой и оладьями рёшти всегда найдётся место для блюд солнечного Дагестана. Ибо готовила она божественно.

Курзе иногда делают из ржаной или кукурузной муки (в последнем случае их готовят на пару), однако популярней всего пшеничная мука, которую замешивают с водой и солью, иногда добавляя яйцо. Главное — стараться от души, чтобы тесто получилось прочным и упругим. Впрок такое готовить нельзя. После «массажа» ему полагается отдых — в широком пакете или хотя бы под салфеткой, чтобы не заветрилось. Повару же расслабляться не стоит. Пора заняться начинкой!

И любителя кавказских застолий, и тайного славянофила порадуют пельменеподобные курзе с мясом, солью, чёрным перцем и специями. Для них годятся говядина, баранина или их смесь. Готовить фарш лучше не бездушной мясорубкой, а вручную. Чеченки для сочности иногда добавляют свежее молоко, дагестанки — кислую молочную сыворотку или тёртые помидоры, а азербайджанки — виноградный уксус и рубленый лук (такую начинку хорошо подержать 20 минут, а затем слить выступившую жидкость, не отжимая).

Помимо мясных, курзе бывают картофельными, творожными, тыквенными... Самая брутальная начинка встречалась в селении Чох. Приглашая друзей на пир, в одну курзешку клали монету. Кому она попадётся, у того компания собирается в следующий раз. Когда возник этот любопытный обычай, сложно сказать, но придумали его, должно быть, зубодёры, с которыми он и распространился по многим народам. Оставим же эти курзе дантистам, а сами вернёмся к теме любви.

Любовь к хорошей кухне, как и к прекрасной женщине, требует букетов. Благо, на

горных лугах растёт немало вкусных трав. Особенно в Дагестане ценят халту, она же мокрица или, говоря по-научному, звездчатка средняя. Любительниц селфи легко порадовать диким луком, он же халияр, лошадиников — конским щавелем, а падких на заграничное — шпинатом, который неожиданно хорошо вписался в кавказскую кухню. Но весной, когда страсть особенно жгучая, самое время собирать крапиву. В перчатках, ибо любовь зла. Срезанные побеги моют в проточной воде, просушивают на полотенце и мелко режут. Ревнителю традиций Великих предков могут смешать их с кусочками старого курдюка. Теперь посолим, добавим по вкусу другие травы, яйцо или сметану с жареным луком — и начинка готова. Разложим её по кружочкам теста на присыпанном мукой столе и приготовимся к самому трудному. Загибаем краешек теста. Затем от него и до противоположного края запечатываем начинку — поочередно то большим, то указательным пальцем стягиваем тесто слева и справа от будущего шва в центр, слегка защипывая, чтобы возникла характерная «змейка» — недаром говорят, что курзе

и гюрза — однокоренные слова. Поначалу получится плохо, однако вскоре действия отшлифовываются до автоматизма. Умелые поварахи работают с пулемётной быстротой, которая, впрочем, свойственна дагестанцам не только на кухне. Моя знакомая однажды гостила в сельской семье. Дочь хозяйки была разведённой, под тридцать лет — солидный, по горским меркам, возраст. Её шансы на новую семью были невелики. Через неделю они созвонились.

— Слушай, я в шоке! — сквозь счастливого смех поведала девушка.

Два дня назад её засватали, а назавтра собиравались играть свадьбу. Осталось только налепить курзе к праздничному столу, но это были приятные хлопоты.

Как свадьба — это лишь начало семейной жизни, так и узкие курзе — лишь первый шаг в познании дагестанских родственниц пельмешек и ravioli. Куда оригинальнее курзе с жидкой начинкой. Для них в присыпанных мукой небольших брусочках теста проделывается углубление. Оно расширяется, пока не останется тонкая оболоч-

ка, аккуратно налезаящая на сложенные вместе указательный и безымянный пальцы. Но высший пилотаж — это стянуть кружок змейкой, как в узких курзе, всунув вместо начинки большой палец левой руки. В обоих случаях получатся пустые мешочки. Их складывают на обсыпанную мукой поверхность. Затем берут по одному и наполняют жидкой начинкой. Сырые яйца для неё могут быть цельными (используйте для переливания большую ложку), или же взболтанными с солью и специями, а иногда и с травами вроде упомянутой крапивы или жареного лука. Порой добавляют топленое масло или

молоко. Совсем редкий вариант — жидкая начинка из молозива, яиц, жареного лука и тмина. Дырочки запечатывают, и курзешки немедленно отправляются минут на десять в кипящую подсоленную воду — пока не всплывут. Помешивать аккуратно, обратной стороной шумовки. Тонущим протяните ложку помощи, не дайте прикипеть ко дну кастрюли. Они щедро отблагодарят, украсив вашу жизнь даже в самые трудные моменты.

Однажды жена принесла мужу в больницу полную кастрюлю ароматных, пышущих жаром, курзе. Тот позвал к столу всю палату, включая двух бедолаг, которым предстояла операция.

— Угощайтесь, друзья! Не могу есть, когда рядом голодные! — сказал он, развёртывая первое полотенце, которым было укутано гастрономическое сокровище.

— Врач запретил, — угрюмо буркнули постники поневоле.

— Они невесомые, сразу растворятся! — искуситель похотливо сорвал с кастрюли второе полотенце.

Голодающие жадно втягивали носами воздух, но держались из последних сил:

— Нам уже промывание сделали!

— Хотя бы по одной курзешке! — третье полотенце с шелестом легло на пол, крышка выпустила облако пара, и слова были больше не нужны.

Наутро участников кулинарной оргии застали с надутыми, как барабаны, животами рядом с пустой кастрюлей. Операции пришлось отменить. Рассвирепевший хирург едва не выгнал обжор. Но вскоре очередная кастрюля перекочевала напрямик в его кабинет, и он на собственном, отнюдь не горьком опыте осознал, что противиться магии курзе

бесполезно. Осилив разом три тарелки, врач простил слушников, но всё же перевёл их в другую палату, подальше от мужа щедрой поварихи.

Впрочем, лопать курзе из кастрюли уместно разве что в больнице. Куда красивей выложить их кругом на большую плоскую тарелку и поставить в центре чесночный соус, аналогичный хинкальному. Азербайджанки заменяют его катыком, а готовые курзешки окунают в топлёное сливочное масло. Подавать с нежностью, есть — восторженно причмокивая и вознося хвалы хозяйке. Можно в стихах. Ведь правильные курзе — это больше, чем тесто с начинкой.

Думаю, родичи красавицы Маши были отчасти правы, и её дагестанскаястряпня в подмётки не годилась тому, чем она порадовала возлюбленного. Ибо готовка курзе в этом тоже похожа на секс. Можно механически освоить движения и ритмично лепить одну курзешку за другой, но по-настоящему вкусное блюдо получается только по любви.

Борис Войцеховский

Впервые я столкнулся с ней лет 10 назад. Как так вышло? Не важно. Я и сам этого не очень помню. Помню вот что: удивление. Недоумение даже. Можно сказать, почти шок, потому что — ну, эти даги дают, потому что — бред какой-то, потому что — что это за мать его колбаса, которую не откусить и не разгрызть, потому что — кто это вообще придумал. Но я резал и грыз, я грыз и резал её — сушёную горскую колбасу — в сыром виде, потому что именно так мы, русские люди ©, всегда делали и делаем. Колбаса — она ведь скрепа, её нельзя просто так взять и сварить.

Мне сварили её спустя много лет. Спустя много лет мне её поджарили. Ну, эти даги дают! — снова подумал я. А ведь это вкусно! — решил я. — Жена, у нас осталась ещё колбаса? — спросил я.

И стал её фанатом. Мясной и из печени, стыквой и без. Беххаже — было первым кубачинским словом, которое я выучил.

32

ОТЖАРЬ ЕГО!
(ЕСЛИ СМОЖЕШЬ)

ЖАРЕННОЕ БЕХХАЖЕ — ЭТО ПЕСНЯ! НО ТУТ ВАЖНО ВСЕ СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНО — ВОТ КАК В РЕЦЕПТЕ. НЕПРЕМЕННО: ЕСТЬ С ХЛЕБОМ, ЕСТЬ ГОРЯЧИМ, ЗАПИВАТЬ КРЕПКИМ.

БЕХХАЖЕ & БЕГЗУБ ДИГ

ДИГ ОЗНАЧАЕТ В ПЕРЕВОДЕ С КУБАЧИНСКОГО ЯЗЫКА "МЯСО" (ЗАПОМНИ И ЭТО). И ЭТОТ САМЫЙ ДИГ ТУТ ЧАСТО **СУШАТ**. ТО — БОЛЬШИМ КУСКОМ (БЕГЗУБ ДИГ). ТО — СДЕЛАВ ИЗ НЕГО КОЛБАСУ (БЕХХАЖЕ). НАТОМ И НА ДРУГОМ ВАРЯТ ОТЛИЧНЫЙ БУЛЬОН ДЛЯ ХИНКАЛА. НО — БУДЕШЬ В КУБАЧИ — НЕПРЕМЕННО ПОПРОСИ, ЧТОБЫ БЕХХАЖЕ ТЕБЕ ПОДЖАРИЛИ С МАСЛОМ И ЛУКОМ!

НИССЕ

НИССЕ — ТРАДИЦИОННЫЙ КУБАЧИНСКИЙ СЫР. ОН ОЧЕНЬ **ВОНЮЧИЙ**, НО — **ОУЧДО!** — ВКУСНЫЙ.

1 **ВОЗЬМЕМ** **КУСОК** БЕХХАЖЕ (ОКОЛО 15СМ — ЕСЛИ БУДЕТЕ ЕСТЬ ОДИН).

2 **ЗАТЕМ РЕЖЕМ** ТОНКИМИ КРУЖКАМИ (ПРИМЕРНО 2ММ ТОЛЩИНОЙ. ТАК НАДО — НЕ НЕ СПОРЬТЕ!

3 **МЕЛКО РЕЖЕМ** БОЛЬШУЮ **ЛУКОВИЦУ**.

4 **КЛАДЕМ** В СКОВРОДУ ВСЕ БЕХХАЖЕ И ЗАЛИВАЕМ НЕБОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ **КИПЯТКА**.

5 **КОГДА** БЕХХАЖЕ СТАНЕТ МЯТКИМ, **КЛАДЕМ** ПОЛПАЧКИ **МАСЛА** И ЛУК. ЖАРИМ ВСЕ ДО ГОТОВНОСТИ. ЕДИМ.

ТЫ ЗНАЕШЬ?
КАЗ - БЕЛЫЙ ПЛАТОК, КОТОРЫМ НОСЯТ ВСЕ
 ЖЕНЩИНЫ В КУБАЧИ. КАЗ ЧАСТО РАСШИТ
 ЗОЛОТЫМИ УЗОРАМИ. ПО РИСУНКУ НА
 КАЗЕ МОЖНО УЗНАТЬ ЗАМУЖЕМ ДЕВУШКА
 ИЛИ НЕТ: У НЕЗАМУЖНИХ УЗОР БОЛЕЕ
 МЕНЬШИЙ, А БАХРОМА - БОЛЕЕ КОРОТКАЯ.
 НА ТРАУРНОМ КАЗЕ УЗОРОВ НЕТ ВООООЩЕ.

МОДНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

- 1 ПЛАТЬЕ В ФОРМЕ РУБАХИ ШЬЮТ ИЗ ПАРЧИ.
- 2 ЧОХТА - НАДЕВАЕТСЯ НА ВОЛОСЫ ПОД КАЗ.
- 3 КАЗ - ТРАДИЦИОННЫЙ КУБАЧИНСКИЙ ПЛАТОК.
- 4 ТУЛУП ТАКОЙ РАНЬШЕ НОСИЛИ МУЖЧИНЫ.
- 5 ЖЕНСКАЯ ПАРЧЕВАЯ «ШУБКА»?
- 6 БУЦ КАТЕ - ПЛЕД-НАКИДКА.
- 7 ОПЯТЬ ТУЛУП.
- 8 ОБУВЬ.

УСТРОИЛИ ТУТ БАЗАР

МАГАЗИНЫ В КУБАЧИ ЕСТЬ, НО ВСЕ ОНИ КАКИЕ-ТО СКУЧНЫЕ. КУДА КАК ИНТЕРЕСНЕЕ СОВЕРШАТЬ **ПОКУПКИ** ПО ЧЕТВЕРГАМ НА **РЫНКЕ**. В ЭТОТ ДЕНЬ НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ ВЫКЛАДЫВАЮТ СВОЙ ТОВАР ТОРГОВЦЫ. ДЛЯ КУБАЧИНЦЕВ **ЧЕТВЕРГ** — ПОЧТИ ЧТО ПРАЗДНИК.

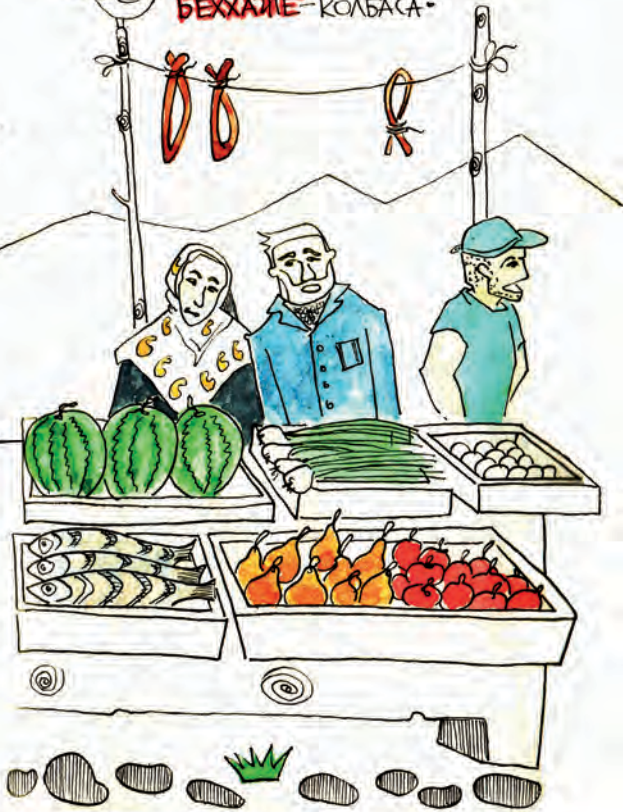
ПОГОВОРИ ТУТ!

• **ТЬИЗРА** — ЛУК • **ГАНИХЗАР** — АРБУЗ • **ДУХЪЕ** — ЯЙЦО • **БЯЛИКЪ** — РЫБА • **ПЯГИЯ** — КУРИЦА.

(39)

• **КАРТУП** — КАРТОФЕЛЬ • **КЪВАЙЧЕ** — ПЕРСИК • **ТИПТЕ** — ВИНОГРАД • **БЕХХАЖЕ** — КОЛБАСА.

КОРОЧЕ...

НУ, ЯСНО ЖЕ: В КУБАЧИ ЗАСКУЧАТЬ СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНО. ГЛАВНОЕ, ЭТО ВСТРЕТИТЬ ЗДЕСЬ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ (ЭТО ЛЕГКО) И ЗНАТЬ МЕРУ (ЭТО СЛОЖНО). ЕСЛИ ЖЕ ЗАХОЧЕТСЯ НАСЛА-

ДИТЬСЯ ТИШИНОЙ, ДОСТАТОЧНО ВЫЙТИ ИЗ АУЛА И ОТПРАВИТЬСЯ ПОГЛЯДЬТЬ ПО ГОРАМ: СОБИРАТЬ ЧАБРЕЦ, СМОТРЕТЬ НА ОРЛОВ И ТРЕНИРОВАТЬ НОГИ. НЕ ЗАБЛУДИТЕСЬ!

СЧАСТЛИВОГО ВАМ ПУТИ!

Магомед Бисавалиев

Жестокость

— Повели одни молодые ребята из Салда в село Чорода похищенную в Грузии женщину и её двух дочерей, чтобы продать. Был день рузмана, там ждали людей из внутреннего Дагестана, которые приходили за пленными в Чорода. Их покупали хиндалавы*, — сказал отец и накрыл армуд с чаем блюдцем.

Так чай дольше остывает, и бывает вкуснее — сам пробовал. Этот знак мне понравился, это означало, что мы никуда не спешим. Я слушаю внимательно, предвкушая интересную беседу.

— После рузмана два хиндалава вышли на годекан и спросили, у кого есть женщины на продажу. К покупателям привели женщину с дочерьми. И говорит хиндалав салдинцу: «Дочерей беру, они ещё маленькие, скрутить прутьями проще, и получится из них что-нибудь. А вот её я не возьму, ничему хорошему она их не научит, в глазах её макру (коварство, хитрость)». Так сказал хиндалав и начал готовить хурджуны. Мать ненавистным взглядом обвела всех вокруг и со злостью уставилась на покупателя-хиндалава, говорившего что-то на непонятном языке, глядя в её сторону. Когда он стал разглядывать её малолетних доче-

рей и смотреть на хурджуны, прикидывая, поместятся ли в них девочки, мать вздрогнула. Злость в глазах сменилась испугом. Она со страхом смотрела то на гостя, то на своих дочерей, то на людей, собравшихся вокруг.

Кажется, она уже что-то заподозрила, но верить своим подозрениям не хотела. Салдинец уговаривал хиндалава купить и мать. Объяснял, что она и внешне хороша, не стара, — чего отказываться?! — мол, пригодится для хозяйства. Хиндалав ни в какую не соглашался, сказал как отрезал.

Он засунул в хурджун одну из девочек — лет семи, и затянул верхнюю верёвку так, что из мешка торчала только её голова. Девочка начала плакать и биться. Он прикрикнул, она задрожала от испуга и замолкла. Вторую девочку он таким же образом засунул в другой хурджун. Тревожный взгляд матери метался то на дочерей, то на собственные связанные руки, то на хозяина-салдинца, то на покупателя; она ждала, что руки развяжут, и её поведут с дочерьми. Но к ней никто не подходил.

Она начала биться, плакать, просить, умолять. Она умоляла хиндалава взять и её тоже, что умрёт она без дочерей. Тот не знал

* Хиндалав (м. р.), хиндалал (мн. ч.) — аварцы-садоводы, жители тёплых долин Дагестана.

грузинский язык — переводили рядом стоящие, уговаривая, чтобы взял и женщину. Он категорически отказался, сославшись на то, что девочек не удержит, если рядом с ними будет мать. Гости распрощались с чородинцами, взяли своих лошадей и направились в путь.

Привязанная к столбу женщина рыдала на весь аул, а когда гости скрылись за поворотом, принялась что-то говорить нараспев. Это был то ли плач, то ли проклятие, то ли молитва, то ли ворожба. Сельчане спешно стали расходиться, подальше от несчастной женщины, будто опасаясь, что её беда и страдания могут задеть и их.

Через некоторое время кто-то развязал ей руки и отпустил. Она пулей полетела вслед за лошадьми, увозившими её детей. В это время лошади и хиндалал перешли речку и приближались к местности Халцах. Увидев бегущую за ними женщину, они остановились. Жители села, издали наблюдая эту картину, терялись в догадках и даже предположить не могли, как будут развиваться события дальше.

Женщина добежала, схватила за уздечку лошадь, на которую были погружены хурджуны с её детьми. Она умоляла о чём-то

всадника, направляясь к хурджуну. Обняла дочь, поцеловала её и долго не выпускала из объятий. Потом побежала на другую сторону, обняла другую дочь, и тоже поцеловала, и долго не отпускала её.

Лошадь и всадник дёргались то назад, то вперёд. Дважды крикнул что-то всадник, потом рукояткой плети оттолкнул её и продолжил путь дальше. Женщина зарыдала и упала на землю. Долго лежала она так и не шевелилась, а жители села разошлись по своим саклям. Говорили, в предвечернее время она встала и направилась в сторону Салда, оттуда пошла по реке вверх.

Через неделю её труп нашли чабаны в местности Ор Ричдиб по дороге в Грузию. Какова была причина смерти, неизвестно. Было это поздней осенью. Могла замёрзнуть, могла умереть с голоду, могла и покончить с собой после всего, что пережила. Есть там недалеко от водораздела по дороге в Грузию, у подножья горы, холмик и почерневший от ветров и дождей маленький камень на нём. Джурмутцы называют эту местность Хъзахъальбул хЛуб (могила грузинки) как свидетельство печальной истории несчастной женщины и её дочерей.

Цорские девушки, или Как любовь разорвала барабан

Когда молодые и красивые девушки из Цора приезжали на свадьбы в Джурмут, джурмутские молодцы танцевали с особым задором, их трюки становились сложнее и опаснее, а движения рук и ног — резче и точнее. Я это всё помню — маленький был, но помню. Помню, как сверкали их глаза, как блестели зубы — каждого их них переполняли чувства и энергия. И это всё было из-за красавиц Цора.

Трезвые пьянели, пьяные дурели, а дурные становились и вовсе невменяемыми и совершали безумные поступки. Никто из них никогда бы не сознался в этом, но я точно знаю, что именно так всё и было.

В Цоре жизнь была полегче. И рядом с нашими девушками, измученными трудом, почерневшими под палящим солнцем, девушки из Цора выглядели беленькими и красивыми.

Как-то спросили у одного горца, влюблённого в цорскую красавицу: «Правда ли, что ты волочился за девушкой из Белоканы и хотел жениться на ней?» Горец ответил достаточно остроумно: «Она была хороша, ну как мне на ней жениться-то? Жизнь в горах скучна и тяжела, физическую работу она не осилит, а профессии нет, как говорят — не грузовая, не легковая».

Но любовные сумасбродства джигитов на свадьбах бывали всегда. Я помню эти ясные лунные ночи джурмутских свадеб и танцы вокруг костров. Слышу и поныне шум горных рек, звуки душераздирающей зурны и барабанной дробы, которыми соседи из ближних и дальних аулов созывали нас на праздник.

В центре каждого села находилась открытая площадка (гьоцлу) — для молотбы ячменя, и для свадеб. Иного предназначения у этого места не было. За площадкой — плоские крыши саклей, откуда стар и млад с любопытством наблюдали за танцующей молодёжью. Как бы

молодые ни старались скрывать свои чувства и предпочтения, внимательный зритель улавливал взаимную тягу молодых друг к другу.

Я тут не зря вспоминал о цорских красавицах. Перед ними образовывался особый круг желающих потанцевать. Девушки из Цора, почувствовав своё превосходство над местными подругами, кокетничали направо. В их манерах, движениях в танце, в одежде было что-то волнующее, отличающее их от наших девушек. Порой местные девушки пытались им подражать, но улавливали только детали, а основное ускользало.

И джигиты наши продолжали увиваться во круг приезжих. В жёлтых нейлоновых рубашках, в ярко-синих кримпленовых пиджаках, в кепках-аэродромах на голове, со «стекающими по краям уголков рта усами». Такова была мода советского периода, мода времён моего детства.

Пели песни, рвали струны пандура, разбивали посуду, демонстрируя крутой нрав и удаль. А один влюблённый чудака в порыве страсти, надеясь заслужить одобрительный взгляд цорской красавицы, прячущейся за спинами подруг, изо всех сил ударил ногой по барабану. Лопнув, тот вылетел из рук барабанщика и покатился вниз по узкой улице, подсакивая на кочках и ударяясь о стены. Только глухое эхо доносилось до свадебного костра, будто негодование барабана, сделавшегося инвалидом, изгнанного из такого весёлого общества и ни на что теперь не пригодного.

Пока растерянный барабанщик чесал затылок, другой претендент на внимание красавицы из Цора с ходу ударил зурначу, потом двоих, пытающихся его удержать, и бросился на конкурента — того, который бесстрашно ударил по барабану.

И тут, как говорят в городе, пошла «селуха на селуху». Долго пьяный люд объяснял

друг другу кто прав и кто виноват. Шумели, толкались, боролись, дрались, разнимали, все разговаривали, и никто друг друга не слушал.

И всё это происходило из-за нарядных беленьких девушек, которые поднимались на свадьбу из Цора. Мужики с ними танцевали, из-за них дрались, им песни пели, влюблялись, теряли на время разум... Девушки же, будто ничего и не произошло, вдоволь натамцевавшись и навеселившись на свадьбах, бросали горы и торопились назад в Цор — пока снег не закрыл перевалы. А влюблённые юноши, отрезанные снегами от Цора и от предмета своей любви на целые 6-7 месяцев, оставались в горах.

И в осенние солнечные дни с веранд аульских домов доносились печальные мелодии; подыгрывая себе на мандолине, пандуре и других инструментах, пели юноши о потерянной любви, о длинной зиме, закрытом перевале и возлюбленной, которая осталась за заснеженными хребтами.

Помню одну такую песню молодого человека, влюблённого в красавицу за хребтом. Слова народные (джурмутские):

**Я дунги цДумани, цДобилав Аллагь,
ЦДороб сухІбатІа свери бахъизе.
ЦДудалги тІинчІани, я Расуллагь,
Белоканий росуль гьудул йихъизе...**

В подстрочном переводе примерно так:
*Родиться бы мне орлом, о Всевышний,
Чтоб полететь над Белоканом,
Быть бы хоть птенцом орла, о Посланник,
Чтобы увидеть любимую
на цорском сухбате (вечеринке).*

На смену летней безбашенности приходила зимняя трезвость; но не выдержав уныния, душа опять начинала тосковать по веселью и солнечным дням. Все ждали наступления весны...

Так было раньше. Ныне же и в горах, и в Цоре, к большому сожалению, весна — долгожданная встреча с возлюбленными — в сердцах молодых людей не наступает, их уже не радует оттаявший перевал. Граница на замке. Нас навсегда разделили пограничники. Осталась лишь память... память и брошенные пустые аулы, заросшие крапивой; места, где раньше бурлила жизнь, влюблялись молодые, молились пожилые, пели песни, читали молитвы, встречались и снова провожали друг друга люди...

Дамир Саидгазин

Улица в небо

В дни, когда не выходят газеты, а в редакциях молчат телефоны, пришла новость, которой никто не ждал. Недалеко от Родопского бульвара собралась группа горожан. Оставить свои привычные дела их заставил слух о том, что уже завтра их улица будет переименована.

Никто из жильцов толком не имел понятия о государственном деятеле, в честь которого собирались назвать их улицу. Ещё меньше они знали о том, чью фамилию она носила прежде — только то, что напоминала не то еврейскую, не то немецкую. Ещё говорили, что её обладатель то ли совершил в предреволюционном прошлом какой-то подвиг на корабле, прибывшем в Петровск-порт, то ли был известным промышленником, построившим в Петровске фабрику. Казалось бы, тревожиться не из-за чего.

А началось с того, что проживающая в квартире на втором этаже 32-го дома (под которой сейчас располагается магазин свадебных платьев) Зюма, а точнее, Зинаида Вебербаум, вспомнила легенду о Тихой улице. Это почти забытая горожанами история об улице, будто бы существовавшей между Маркова и Оскара.

Говорили, что на одной стороне этой улицы даже в дождливые дни было солнечно, а

другая всегда оставалась в тени. Нумерация домов на ней была запутанной, под номером вторым значился дом, стоящий 10-м, а за ним мог стоять 5-й. Зайдя в любой дом с парадного входа, можно было по коридорам выйти в собственный двор, даже если до него было несколько кварталов. Начиналась она где-то в районе моста, шла вдоль побережья, поднимаясь на Анжи-горку и теряясь где-то на её вершине. Это была одна из тех улиц, что уходят в небо.

Рассказывали, будто в советские годы, вскоре после переименования, Тихая улица пропала вместе со всеми её жителями. Навсегда исчезли лавки, где торговали фруктами и рыбой, дом из жёлтого кирпича с красивыми птицами на фасаде, исчезла тень от большой акации, под которой дети играли в классики. Из распахнутого настежь окна больше не доносились стоны фортепиано, терзаемого соседской девочкой, не звучал с балкона второго этажа голос оперного певца, жившего в начале улицы. Не стало всегда сидящей у ворот вечно зябнувшей древней Луизы, кутающейся в поеденный молью и временем плед. Исчезла улица, словно никогда её и не было.

Вебербаум уверяла, что нынешняя Оскара состоит на самом деле из двух ранее

существовавших улиц, а её начало и конец не связаны друг с другом. Сомневающимся предлагала пройти улицу от начала до конца, утверждая, что это невозможно. Любой человек где-то между Стальского и 26 Бакинских чем-то отвлечётся, запутается и окажется на соседней улице. Среди её выдумок была и такая: будто бы конец улицы Оскара, где сейчас находится здание ФСБ — оставшийся кусок от той исчезнувшей улицы.

Если спускаться к морю по Горького от Оскара, то следующей улицей будет Маркова. Но так было не всегда. В пространстве где-то среди старых домов между двух улиц есть зазор, который расширяется в определённое время. Переход этот охраняет часовщик в старой тёмно-зелёной будке. Никто точно не знает, но ходят слухи, что он последний из тех, кто жил на той самой Тихой улице. И что когда ему было 10 лет, он заигрался с соседским мальчишкой со Стальского, и так и не смог вернуться на улицу своего детства.

Также поговаривают, будто бы ему известен секрет, как её увидеть. Если в последние дни августа, в послеобеденные часы, встать в тень и смотреть вдоль улицы, можно увидеть, как в дрожащем мареве проступают старые дома, телега с лошастью заворачивает за угол, и кто-то усатый и в кепке удивлённо щурится на вас оттуда.

Никто давно уже не видел Тихой улицы — ни на старых картах, ни в документах из архивов. Но рассказы Вебербаум то и дело подхватывали жильцы из других домов. Придумывали иногда совсем уже небылицы. Например, что в прошлом веке на Тихой улице пропадали неугодные советской власти люди. А в 30-е здесь якобы случилось событие, после которого в течение пяти дней был снесён целый квартал, а о живших здесь людях запретили говорить. Впрочем, были и скептики, не верящие в легенду. Они утверждали, что люди с той улицы на самом деле никуда не пропали, что например, дядя Жора из 45-го дома давно живёт в Израиле, а виолончелист Михаил Стрецков работает в Москве и его внучка в прошлом году вышла замуж.

Говорили, что, перед тем как исчезнуть, Тихая улица получила новое имя, в пере-

воде с персидского оно значило «человек, владеющий ключами от Ворот». По другой версии, это было множественное число от слова, что на русский переводится как «колодец, не имеющий дна».

Над рассказами Вебербаум жители в очередной раз посмеялись и разошлись по домам. Уже к вечеру того же дня о слухе все забыли. На улице текла обычная суетливая жизнь, и только старуха Вебербаум чужла в вечернем воздухе, в запахе, принесённом с моря, какие-то недобрые перемены. Первое, что она увидела, проснувшись на следующее утро, — как сверкнула на солнце новая ярко-синяя табличка на стене дома напротив.

«Молот О.К.» — уникальное творческое объединение русскоязычных писателей Грузии. К сожалению, для многих из нас сочетание слов «русскоязычных» и «Грузия» само по себе удивительно. Но «Молот О.К.» примечателен не только этим. Руководители объединения Михаил Ляшенко и Анна Шахназарова много лет, не жалея сил и сердца, сохраняют в Тбилиси островок настоящей литературы. Под их началом издаётся газета. Они публикуют архивы Зданевича и ведут огромную просветительскую работу среди членов объединения, приглашая лучших поэтов. Кабанов, Умка, Вера Павлова. Кого только не было в гостях у объединения. Ну а лично для меня откровением стала история, когда во время войны Анна Шахназарова спасла и увезла на садовой тележке сверлѐнный и пострадавший ни за что бюст Гоголя.

И это символично.

Евгения Коробкова, Москва

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ

Из книги ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Всѐ меньше среди живых найдѐшь поэтов, что, наподобие героев Гофмана, испытуют пребывание в околдованности романтической мечтой, ведущей их при встрече с прозой жизни к гибели; впрочем, еѐ они, как и подобает крестникам Пиерид, встречают с робкой гордостью — так когда-то принимали чашу с цикуттой или терновый венец...

История Эвфрона, краткая

Часть первая: долгое начало.
(посвящается Гвидо из Ареццо)

Логос велегласен, форма оркестрирует, ибо обременены они мелодическим языком. Порою их разъединяют завистливые боги, но вновь смыкает самая могущественная из правительниц земных — божественная Фантазия.

Напев, монодия, наигрыш не слагаются сами собой в людской среде, в процессе их создания народ есть сторона воспринимающая, он, народ, исполняет функцию резонатора творимого, которое творимое истинные слагатели черпают из бурлящего источника народного же умонастроения и метаморфоз истории.

Музыка, резонированная разными народами в разные эпохи, различна по форме, но всегда, даже в периоды упадка других родов искусства, она оставалась прекрасной, ибо бессмертные органумы и хоровые камлания, мелодика и тяга к купному творчеству — суть атрибуты органически присущей человеку способности развиваться вместе с мирозданием.

Музыка есть самый совершенный способ общения с Эмпиреей: богам по нраву и неистовые напевы прислужниц Кибелы, и нестройные дифирамбы хмельных басарид.

Боги с равной отрадой внемлют строгой псалмодии и изысканному мотету, для них одинаково любы и сложный градуал, и вольный спиричуэлс, самба и дельта-блюз, свинг и кул...

Музыка есть бесконечная песнь во славу богов, несмолкаемая молитва человечества. В силу своей возвышенной сущности музыка облагораживает природу её творца, равно как и природу её слушателя.

Музыка парадоксальна: хоть она и является предметом сочинительства, она первична, а сочинитель — вторичен, ибо движим ею. Когда мы пишем музыку, мы подвержены иллюзиям: нам мнится, что мы проникаем в её тайны всё глубже и глубже, но это она сама руководит нашими действиями и разумом, и устраняет наши страхи перед границами возможного, подсказывает нам смысло-звуковые формы, в которых звук и смысл объединяются в квинтэссенцию мысли и чувства; иногда же она струится, похерив смысловую составляющую, устремляясь в обитель отринувших каноны структур...

Ничтоже сумняшеся, человек неоднократно предпринимал попытки высвободиться из-под власти музыки и в свою очередь подчинить её воле своей — заключить в рамки строгой мессы, обрядить в пышный наряд надменной фуги, или опутать шёлковой сетью переменчивой симфонии; всё, что случилось, было великолепно, но этой сокровищнице с её бесценным содержимым противостоял один-единственный смертный — гениальный Моцарт с его предчувствием бесконечного...

Зальцбургского пророка слышали в Тюрингии, где в славном городе Йене содружество юных мечтателей отстаивало право сочинителя на неограниченное индивидуальное своеволие и право творящего на полнейший произвол.

Романтики восприняли послы Моцарта как заповедь о всенепременной множественности формы, как нечто обязательно общее, лежащее в основе основ самого творчества, его пронизывающее и связывающее в единое целое, — отсюда

поиски музыкальности во всех искусствах, включая и саму музыку.

Канонизированное романтиками музыкальное качество бытия передано было веку двадцатому единением предшествующих эстетических приёмов — от античной дерзости непрекращающегося поиска до эмоциональных новаций Берлиоза и импрессионистской эстетики Равеля; и инструментарий этот придал наследникам смелости в творчестве, помог ослабить традиционную содержательную составляющую и обеспечить доминирование составляющей импрессивной, которая, будучи допущена к власти, узаконила диктат чрезвычайно искусного, с тонкой игрой

ритмов, порой даже нарочитого импровизационного характера построения композиции. Музыка эта пробудила и возбудила общество, и диаметрально изменила общепринятые каноны бытия, которые каноны растворились в её бесподобном звучании...

После случился 1967 год, но это уже другая история!

* * *

История — это тёмная, захлавленная кладовая, в которой в тщетном старании сменить неприглядное обличье на ангельский лик мы скрываем тёмные наши деяния. Суета сует...

ЧЕТЫРЁХПУТЬЕ

Полдюжины светляков померкли на яснеющем своде; дюжина одетых в малахитовую коросту горгулий предвкушала обещанный прорицальщиком утренний ливень; посвист дрозда делил звон тугой струи на равные доли.

Булочник убрал ставень, пекарня дохла на площадь свежей сдобой, и дух этот вступил в единоборство и одолел тонкий аромат сирени, густо разросшейся у дома костоправа.

Диковинная птица брадобрея поочерёдно указала загнутым клювом на каждую из четырёх сходящихся у храма дорог, и четырежды прокричала: «Они идут!» А порыв восточного ветра принёс острый запах конского пота...

Утомлённые долгим походом скакуны чуть приволакивали копыта, от этого обязательный звон подков умер — подковы глухо ударяли по брусчатке, словно фальшивые монеты, падающие из прохудившегося кошелька менялы.

Предводитель осадил тонконогую кобылу у чаши фонтана, склонился к воде, зачерпнул шлемом, прежде чем отпить, повёл раскошенным глазом в сторону замерших в

ожидании обиталищ, сказал негромко всадникам: «Ваше...»

* * *

Ещё в юности Н. обнаружил, что обладает неким качеством, мешающим ему обзаводиться друзьями, а именно — интеллектом. Субъектом он был дружелюбным, посему приходилось ему раз за разом притворствовать — изображать простофилю, дурачка. Так удалось ему обзавестись многочисленными почитателями, вот тогда-то и ощутил он себя крайне несчастным существом — нет участи страшнее, чем прозябание умника в окружении глупцов...

* * *

Существует поверье, что старые боги не сгинули, но по сей день скитаются они по земле, растеряв былых почитателей. Порой их можно встретить на площадях древних городов в обличье бродячих музыкантов. Иногда, дабы разжиться бутылкой-другой доброго вина, нанимаются они сборщиками винограда где-нибудь на Юге...

Случайные знакомцы не умеют распознать их сверхъестественную природу —

боги старательно утаивают свою сущность, но стоит им уединиться за скромной трапезой, сбрасывают они человечьи личины и предаются воспоминаниям, осенённые отсветами былой славы...

* * *

В ночи явился мне Князь Тьмы. Судейский трон свой оседлал, однако ж весь опутан цепью — знать приступ бешенства смиряла челядь. И дворня здесь же: Баал одесную нахмурил лик; Лилит у самых ног — двоённое копыто умащает. Агарес ястреба кровавой снедью потчует, в сторонке — Елизадра, взгляд потупив, перебирает чётки: помнилось, — иль взаправду младенцев черепа персты чертихи теребят? Блазни во множестве снуют, кривляньем да ужимками увеселяют сатану...

Когда б я наблюдал сию картину, протискался к престолу самому в лохмотья обряжённый старикашка — плесницы стоптаны, сума в заплатах пёстрых, — пал ниц и возвестил:

— О князь, беда, измена, — твой воин Бофри, выворотень подлый, напялив плащ рдяной, на бранном поле, что слуг твоих трудами у берегов Танаиса даёт обильный урожай, весь, какой был металл, пресушествил и в камень обратил — и ружья, и гранаты, и пушки, и заряды к ним, а зелье огневое — в сыпучий прах. Противоборцы, усобицу забросив, громят в окрестных поселеньях ростовщиков конторы и лавочки менял. Наиужаснее всего, что действие это ширится: влекомая отступником толпа, тряпье багряное на древки вздев, потоком клокочущим разлилась, и несть числа им, жаждущим разрухи... — Так завершил Мамона речь свою.

Читал я у хронистов старых, что дьяволу дана способность одновременно и бегать и дристать. Свидетельствую: оковы сбросив, замельтешил по преисподней Сатана, ибо, рассудив какие убытки понесёт по всем статьям его хозяйство, повергся в страх жестокий. После пришёл в неистовство: он скрежетал клыками, из ноздрей его вырывалось пламя, из подхвостья — зловонный кал. Наконец, выставив рога, принялся он

крушить стены обиталища своего, копытами дробить толстые плиты, что понизу были уложены.

И так он бушевал и ярился, что приближённые его отступили, и долгое время никто из них не отваживался обратиться к нему со словом. Наконец Баал-Зебуб набрался смелости, изрёк: «Могущественный князь! Что означают сии выходки вашего величайшего величества? Или уже великий государь запмятовал о своём величии? Что означают сии ужимки и ухватки, кои не добавят славы к имени вашему, и наоборот, урон могут нанести устрашающей силе его?»

— Ахти мне! — вскричал Сатана. — Ахти мне, что слуг понабирал юродивых, ленивых, да ещё и подлых перевёртышей! Ахти мне, ибо стараниями вашими мною выпестованная пучина зла, обильную жатву мне приносившая, исторгнута отныне из обители телесных в краю, проклятом уже тем, что усмирять не раз мне приходилось жителей его. Не позор ли нам всем, что неустанный труженик Арей из-за предательства свихнувшегося герцога по всем фронтам афронт имеет? И что те немногие дни, что ещё остались до конца света, мы расточаем с таким нерадением? Вы, стая никчемных обезьян, неужто вам неведомо, что в эти уходящие мгновенья нам надлежит собрать невиданную прежде дань? Какая будет честь мне пред концом, ежели мы, как загнанные псы, не годны станем в травле...

Исход остался неизвестен, ибо рассвет подкрался, и где-то по соседству задорно возопил петух. Я пробудился, огляделся, и заново обыдней горечи вкусил — Мамон царил, всё ещё в силе пребывал кровавый лихоимец. Увы, то был лишь сон, увы — несбыточные грёзы...

* * *

Licet adire in partibus barbarjrum (пропуск в варварские земли)

Боевой гусь — гибридное пернатое; применялся в римском войске после третьей Пунической войны и до Галльских походов Цезаря.

Бычья саламандра — выведенное в болотах Полтвы кочевниками языгами и

принятое на довольствие Римом транспортное земноводное повышенной грузоподъёмности. Служило для переброски армейского оборудования на марше, а также для доставки живой силы к боевым порядкам противника (до пятнадцати пехотинцев в полном доспехе на особь).

Своим появлением боевой гусь обязан Сципиону Африканскому. Возможность создания эффективного средства противодействия боевым слонам Карфагена полководец обдумывал ещё во время Испанской кампании, когда, разгромив обоих Гасдрубалов, предпринял военную реформу.

В тот раз, в Тарраконе, затеять начинание не получилось — страусы на Пиренеях не водились, пришлось отложить осуществление гибридизации на четыре года.

Дело сладилось во время зимовки близ Утики, тогда-то по приказу Сципиона армейские конюхи и совершили подмену: у страусих-наседок выкрали их природные голыши и подсунули африканкам яйца от проживавших в почёте на Капитолийском холме храмовых сторожевых гусынь.

Появившиеся в положенный срок вылупыши размерами превзошли взрослого

гуся, нравом обладали вздорным и злобным, сразу же пошли в рост и к трёхмесячному возрасту уже способны были насмерть залягать пару хананейских копейщиков каждый.

Изначально боевые гуси заменили в войсках ударную кавалерию: на спине гуся помещались два воина — погонщик-копейщик и лучник.

Со временем была выведена более быстрая малогабаритная порода гусей, предназначенных для одного, вооружённого испанским мечом и длинным копьём всадника.

Луцилий Анней Хлор сообщает в своих записках: «В последовавшем за этим столкновении с Глабром Амилием он (Антиох) потерял всю свою армию. Римляне заманили его в устроенную у верховий Скамандра засаду, где войско, стиснутое в узком ущелье, было затоптано отрядом гусей».

Триумф гусиных отрядов завершился в Галлии: крупные птицы застревали в густом подлеске чернолесья Белгики и становились мишенями для метких лучников галлов; всё поголовье бычьих саламандр передохло от холода при переходе через заснеженные альпийские перевалы...

Licet adire in partibus barbarorum, и, - горе побеждённым!

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

Сапоги тачаю-ю-ю!..

Восканов от корки до корки «Войну и мир» так и не прочитал, но некоторые любопытные факты биографии Льва Николаевича ему достаточно хорошо известны. Он в оценке графа и с Лениным соглашается, меняя, правда, общеизвестное ленинское «человечище» на простоватую, в этом случае гораздо более точную аттестацию Толстого:

— Матёрый был мужичище! За бабами вовсю ухлёстывал. Разбойник, да и только!

Размик Восканов по всем правилам своего сапожного искусства вбивает последние гвоздики в подклабучные профилактические набойки выдавшего вида ботинка. А я усиленно вспоминаю тридцатилетней давности прогулки по яснополянскому заповеднику и шутовский совет ответственного тульского комсомольца Миши Чукалина пристально вглядываться в лица местных древних старушек: дескать, почти у всех нос картошкой, точь-в-точь как у Льва Николаевича...

— А ещё я слышал про Толстого, что он в молодости картишками не брезговал,

— повышает голос Размик Восканов, стараясь перекрыть шум точила, придающего кондиционный вид резиновым подклабучным набойкам. — Крупные «бабки» спускал за ночь.

Удостоверившись в несколько однобокой энциклопедичности знаний Восканова, я решаю представить ему великого писателя земли русской и с другого боку, в тесную прилегающую к дородной фигуре, пожалуй, лучшего башмачника города Рустави. Язык моего давнего знакомого одобрительно цокает, а уши полностью обращаются в слух, внимая сведениям людей, ценивших в Толстом талант первостатейного сапожника. Размик внимательно слушает и, кажется, уши его удлиняются, когда среди продукции, выходящей из-под рук не писателя, а сапожника Толстого, я поминаю «осташи» — сапоги с высокими голенищами из грубой некрашеной кожи.

— Ва, эли, как ты сказал? Осташи? — переспрашивает Размик и ударяется в близкую ему экстраполяцию. — Почти как у табаша — староста наш сапожный в старину,

цеховой голова... Можно сказать, папа. Вот как он.

Размик поднимает удивительно худую для полнотелого мужика руку вверх и всей изящной пятернёй — от пианиста или вора-карманника — показывает на цветную фотографию друга всех пианистов, воров-карманников, физкультурников и, оказывается, папы сапожников — товарища Сталина.

Известное дело, сапожная мастерская без портрета вождя всех времён и народов — что красивая женщина без бюста, ну хотя бы второго размера. Вроде всё на месте, а чего-то существенного не хватает. В мастерской Размика Восканова всё размещено по своим местам, и самого существенного тоже в избытке: Сталин с трубкой во рту, Сталин с простёртой рукой, Сталин с томиком собственной Конституции в руке, Сталин с Мамлакат Наханговой на руках, Сталин руки в брюки на фоне днепрогэсовской плотины.

— Размик-джан, зачем тебе так много Иосифа Виссарионовича? — спрашиваю я в надежде получить вразумительно-обстоятельный ответ. — Ты бы лучше Илью-пророка уважил. Он чувячникам покровительствовал. В тифлиских амкарах его иконка всегда над входом висела.

— Бога с папой не путай! — обстоятельно вразумляет меня Размик. — Илья-пророк для нас, а Иосиф-папа для всех, кто ко мне в гости заходит. Ты, кстати, не хуже меня знаешь, что его отец тоже сапожником был. Пил, правда, по-чёрному. Кабы не этот грех, он точно из сына смену бы себе вырастил. Но не сложилось у него. Ося сам себя воспитал, а сколько народу за свою жизнь сам же потом и обучил — не сосчитать!.. Учитель, одним словом...

Не пойму, чёрт возьми, чего больше в Размиковой риторике: иронии или патетики? Он мужик битый, не то что с газетчиками, с пацанами малыми кляузного словца не проронит, чтоб не придрались к нему потом их дедушки и бабушки с чересчур прямолинейным мышлением.

У Размика Восканова прирождённый дипломатический такт растворён в крови. Этот ценнейший природный дар помогал Размику-бригадиру в давние советские времена

успешно отстраивать коровники на Белгородщине, в постсоветские — малярничать в предместьях Салоников, а в перерывах между забугорными шабашными вояжами отдавать стране свои вузовские знания экономиста-бухгалтера на материально ответственной горисполкомовской должности. С этой должностью Размик без сожаления расстался, упредив тем самым острое желание безответственных старших коллег использовать его знания в мрачном свете единоличной ответственности перед Уголовным кодексом Грузии. Об этом периоде своей жизни Размик вспоминать не любит. Обо всех других периодах своей жизни Размик вспоминает с любовью. Ведь это она, первая любовь, вновь позвала суженого к себе. Размик вернулся к супинаторам, клею «рапид», фрейзер-машине и курсу молодого бойца-сапожника, — уже, разумеется, в ранге опытного наставника. В ремесленничестве хороший учитель — не полдела, а дело всей жизни. Как учитель тебя обучит, так ты её и проживёшь. Обучение при этом строго индивидуальное.

Размику Восканову с учителем повезло. Не с Иосифом Виссарионовичем, естественно. С Каро Маркарьяном. Жил Каро в том же руставском доме, в котором провёл первые пять лет своей жизни автор этих строк. Со скидкой на провинциальные мерки пятидесятых годов прошлого столетия дом можно смело назвать «сталинским»: крупноразмерный, в четыре этажа с бельведером на уровне пятого, с фасадом в сторону какой-никакой, а всё-таки главной реки страны. Уровень социального статуса жильцов дома был весьма разновелик — от Героя Социалистического Труда сталевара Арчила Дзамашвили до бывшего уголовника, отсидевшего четвертак за «мокруху» и ставшего классным сапожником Каро Маркарьяна.

Квартировал признанный мастер финки и захалявного ножа на втором этаже; по воскресным дням «чёрный» Каро захаживал в далеко не элитное кафе на первом, известное во всём городе Рустави тоже как «чёрное», — возможно, его так прозвали в знак уважения к именитому завсегдатаю. Поприветствовав разношерстную публику, завсегдатай-сапожник занимал место у

любимого столика и за кружкой пива изве­щал героя-сталевара о своих успехах в бла­городном деле обучения юного поколения руставских обувщиков. Размик Восканов неизменно фигурировал в числе лучших: вырубщик отменный, кожу тянет без пе­рекоса, зингеровскую механику за минуту разберёт-соберёт...

«Чёрное» кафе в моём руставском старом доме аккурат с добровольно-принудительным отбытием из страны всякого рода «черномастников» приказало долго жить. Почил в бозе герой труда, не оставив после себя ни одного продолжателя огненной профессии в угасшей грузинской металлургии. Давно отправился к праотцам и «чёрный» Каро Маркарян...

Размик Восканов ставит на полку подновлённый ботинок, прошедший полную

реставрационную обработку, и говорит мне не без укоренившейся в плоть за годы пусть даже безмятежного вольного сапожничества подневольной робости — дурного наследия незадавшейся горисполкомовской карьеры:

— Будешь писать про меня — фамилию измени. Кто его знает, все под богом ходим...

Сверху со стены на нас смотрит Иосиф Виссарионович. Кажется, не прислушивается. Я ухожу и слышу, как Размик Восканов кричит в сторону подсобки:

— Сынок, а ну-ка подай коричневый сапожок с отворотом. Ботфортик. Наташкин который. На крестины к внучке женщина собралась ехать. Успеть к вечеру надо. Соседка всё-таки.

Сынок Размика Восканова ещё совсем юн.

В ПУТИ

У башмаков изгладилась основа,
А тернии по-прежнему остры.
Пылают звёзды. Нет, скорей, — костры,
И путь неблизкий к ним ты держишь снова.

Мучительно в пути саднит стопу,
Горбатится по ходу знак невольный:
А не сменить ли трудную тропу
Прямую на большак легкоокольный?

А благовест пикирует с небес,
И думается: не честнее разве,
Коль лёгкости такой в противовес
Утяжелит твою обувь Размик

Набойками на каблуках впригон,
Скрепит подошвы дравленной нитью.
Спеши, мужик! Последний перегон, —
И будешь сыт по горло поздней прытью.

И сорной снытью тоже будешь сыт.
Ты был всегда неприхотливым в пище.
Как ясен день! Неясыть чутко спит
Вблизи полуостывшего кострища.

МИНЕРАЛОГИЯ

Не обижайте юного флейтиста.
Пусть он играет там, у белой арки.
Как были поцелуи наши жарки!
Глаза мои — два пылких аметиста
Следили за соитьем лазурита
И чудной бирюзы на милой шее...
Но что это, о Господи, немею,
Завидев, как из маленького уха
На разжиревшем полицейском брюхе
Серьгой ползёт по шее гематит
И к бирюзе причалить норовит.
Ой, граждане, да это групповуха!
И как противник всяческих перверсий
И абсолютно мне ненужных версий
Я отвожу свои два аметиста,
Два камешка — и трезвости, и духа.
Пусть гематит ползёт себе на брюхе,
Пусть будет весело и маленькому уху,
И чудной шее, милой бирюзе,
Шальному лазуриту. Всем. Везде.
Невесело пусть будет только мне.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Я охоту с неохотой вспоминаю:
Дальнобойную курковую пищаль,
Уходящую по тундре волчью стаю,
Робкий выстрел в низкооблачную даль.

Золотился срез двадцатого калибра.
Зарывалась пуля-дура в ягель-мох.
И отборнейшим архангельским верлибром
Поминал мою родню кто только мог.

Из сезонной добровольческой артели
По добыче дармовых звериных шкур:
«Не за тем мы на Печору прилетели,
Чтобы волчий отбинокливать аллюр».

Веселили их предсмертные кульбиты,
Перекаты, кувырки, и дальше — мрак.
Ну а мне хотелось волком недобитым
Заметелиться в лесистый буерак.

Схорониться, зализать сквозные раны.
Ветру встречному опять подставить грудь,
И в природе своей волчьей окаянной
Обнаружить человеческую суть.

Пусть душа порой томится жаждой мести, —
Человек уже давно к тому привык,
Что, живя с чумными нелюдями вместе,
Он им в горло не вонзает острый клык.

Волки тоже притерпелись к разным людям.
У природы к этой паре свой подход:
Даже если от стрельбы волков убудет, —
Людям вряд ли что-нибудь перепадёт.

Не настачиться на всех зверей картечи.
Не достанет всем охотникам ума
Перед волком просто шляпу снять при встрече
И смотреть, как мимо движется чума.

Не зацепит она оба ваших дома, —
Ни похожего душой на Божий храм,
Ни второго, где в природе незнакомой
Номо sapiens и волку брат, и вам.

Ада ДЖИЛАВДАРОВА

* * *

виртуальное дерево желаний
салатный лист
и грифель
в деревянной трубке

и распускаются
пролеска с незабудкой
цветут карандаши
их мёд
прозрачнее росы

бамбуковая флейта
наигрывает фугу
и наполняет
фейками
тростниковый день

* * *

Кого угадать,
кого мне найти
в городе, пахнущем
рекой и детьми?
В городе,
где скоро на старых кладбищах
сирень зацветет...

На улицах
встречаю негрузинские лица.
А знаете вы,
а знаете, что...
у нас круглый год
душа
соловьиные песни
поёт.

* * *

пока мне приглашение не пришло
пока мой путь не преграждают горы
и дня встающего слеза Авроры
еще чиста, сладка как молоко...

* * *

Таблица умноженья Пифагора
снежинками умножился закат
на волосах блеск снежного узора
чадрюю прикрывал твой светлый взгляд

Пусть бережёт тебя моя лавина
пусть отпечатает твой шаг строфа
и разольются синие чернила
где записи рождения графа

Вмещает меру массы бездну лет
и километры вечности в сады
и страх и робость и запрета нет —
как хочется ещё глоток воды.

Но жизнь ручья мерцающих огней
была закрыта стратосферой дней.

Ирина ДАНЕЛИЯ

* * *

Один неверный шаг, и всё кончается.
Глаза потухли, и спина сутулится.
Придёшь домой и продолжаешь маяться.
Опять одеться и пойти на улицу.

Стоят деревья голые и светлые.
И небо — голубое и бездумное.
А на площадке за высокой сеткою
идёт игра, весёлая и шумная.

Бежит дворняга, никого не трогает.
«Ну что, дружок, как жизнь, не стоит спрашивать?»
Присяду на скамейку, хоть и мокрая.
Да ладно, хорошо, что не «окрашено»!

* * *

Купили мы покрывало
в салоне для новобрачных,
тонов не то чтоб весёлых,
но, прямо скажем — не мрачных!
И вот, года пролетели,
и вот, прошла наша жизнь ...
Тихонько сижу, его штопаю
«Держись, покрывало, держись!»

* * *

Жаркое подано на стол,
а там и кофе с пышной пеной,
и прерывает чей-то спор
тапёр, играющий Шопена,
и, как убежище, рояль
воздвигнет над счастливецем своды
от всех несчастий несвободы,
не исключая и печаль.

* * *

С каким же чувством и с какой ноги
могла старушка в букольниках фальшивых
(сидела с час, хвалила пироги!)
тебя несовершенством «осчастливить»?
Как эта Фея на рожденье в дар
конфеткой поднесла тебе — гордыню?
А, исчезая, превратилась в пар.
И долго сладко пахло пряной дыней...

Дмитрий ЛОСКУТОВ

ТЫ УСТАЛАЯ

ты усталая
ты печальная
мягким светом в тених очерчена
успокоенная ворчаньем
двух конфорок на кухне вечером

ты достанешь две чашки кофейные
да прикрикнешь на пса разноглазого
да задумаешь в то ли поверила
что по гуще тебе рассказывал

может вспомнится
то ли — это ли
ты замыслишь покой без устали
как песчинки о счастье ведали?
как на донышке верно грустно им
так закончится ночка зимняя
разговорами в одиночестве
ты — усталая
грустная
сильная
та что снилась мне в прошлом
в точности

О ПОЭТАХ

вычленишь слово из букв ассорти
крик отделить от сочувствия
хочешь — иди
освежая пути
изредка даже похрустывая

можешь бросаться с огромной скалы
в руки судьбою подставленные
в нашу эпоху придворных чернил
вряд ли напишешь правильно

* * *

повернувшись в пол-оборота
растворяясь в кислотной толпе
вы окликнули тихо кого-то
подарили улыбку – не мне

завернувшись в манто комплиментов
в тихой заводи всплесков фото
вы простите назойливость смертных
моих рифм (чуть дышащих) за то

что беспечно когда-то вопили
о высоком
никчемном
своём...
если б вы их тогда окропили
полувзглядом в оконный проём...

так меняется ценность природы —
нам с небес рок оформил судья —
мне по каплям прогорклой микстурой
вам вином из пиал янтаря

вы любовь на слова не меняли
уходя в зной декабрьской ночи
окликаете вслед — не меня ли?
может вместе
как встарь
помолчим?

Сусанна АРМЕНЯН

ОКНО

Утонувшие камни всплывают со дна,
Я услышала, как начинается дождь,
Наблюдая за небом, где скрылась луна.
Как мне хочется громом его распороть,
Как мне хочется молнию в пальцах зажать
И войти в рассечённое громом окно,
И за гранью небес наконец отыскать
То, что мне отыскать и познать суждено.
Это может быть сердце упавшей звезды,
Это может быть песней сиянья небес,
Это может быть радостью спящей воды,
Это может блистать, как затерянный лес.

КЛЮЧИ

Когда минуты нескончаемы,
И день забьётся в уголок,
Я нежно-тонкими ключами
Волшебный трогаю замок.
И неживое стонет пеньё —
Сюита крови в струнах рук,
Как вечности разоблаченье,
Как слабый полуночный звук.
И тучи сыты кровью бешеной,
Молчат застывшие сады,
А на траве, примятой вздохами,
Ржавеют свежие следы.

ГОЛОС

Не оставляй меня —
Я дышу твоим голосом.
Тень от ладоней твоих,
Искрящиеся твои волосы...
Губы вздрогнули —
Ты говоришь со мной,
Речь оседает пылью,
Золотой и ирисовой.
Я принимаю тебя
В мерцающем сумраке
За предрассветный костёр,
За облако в облаке.
Одежды мои охвачены
Каменным поясом.
Не оставляй меня —
Я дышу твоим голосом.

ЛЕС

Я нашла этот лес, истекающий светом.
Здесь усталость моя переходит в полёт.
Здесь источник сияющих звуков неведом,
И горячие камни оправлены в лёд.

Я встречаю здесь лица за радужной дымкой,
И улыбка скользит среди сонной травы.
Моя жизнь оказалась досадной ошибкой,
Звоном лопнувшей в чьих-то руках тетивы.

Белый камень не вынесет долгого взгляда
И беззвучно расколется на три куска —
Я сливаюсь с гремящей струёй водопада,
Моё тело — вода, моё имя — река.

Я не знаю, о чём меня тихо спросили
Бесконечные звёздные капли небес.
Я — туманное сердце сверкающей пыли,
Окружающей мой заколдованный лес.

